

ВИКТОР МЛЕЧИН

**НА ПЕРЕДНИХ
РУБЕЖАХ
РАДИОЛОКАЦИИ**

Виктор Владимирович Млечин

На передних рубежах радиолокации

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17355246

*Виктор Млечин. На передних рубежах радиолокации: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0578-8*

Аннотация

Радиолокация – это щит и меч страны, – убежден автор, стоявший у истоков создания и внедрения систем радиолокации в СССР, и лично знавший ведущих ученых в области космоса и радиоэлектроники: первого директора предприятия академика А. И. Берга, имя, которого ныне носит Центральный научно-исследовательский радиотехнический институт (ЦНИРТИ, ранее – ЦНИИ-108), министра радиопромышленности СССР П. С. Плешакова, академика А. А. Расплетина, других выдающихся ученых и главных конструкторов направлений.

Как известно, еще в 1905 г. во время русско-японской войны радисты русского флота впервые в мире создали активные помехи сетям радиосвязи японских кораблей. Но секретные работы в области радиолокации начались в 1930-х годах. Работы велись практически параллельно в СССР, США, Германии, Англии и Франции. В 1946 году американские специалисты – Реймонд и Хачертон, бывший сотрудник посольства США в Москве, написали: «Советские учёные успешно разработали теорию радара за несколько лет до того, как радар был изобретён в Англии».

В 1948 году автор попал в Центральный научно-исследовательский институт радиолокации (ЦНИИ-108), в 13 лабораторию, которой руководил А. А. Расплетин, знаменитый конструктор зенитно-ракетных систем.

Более 60 лет, проведенных на ответственном научном направлении, дает автору В. В. Млечину право передать свой бесценный опыт нынешним и будущим поколениям молодых специалистов и тем, кто интересуется закрытыми страницами истории СССР.

Содержание

Вместо введения	5
Глава 1	13
Глава 2	18
Журналистика	18
Школа Луначарского	21
Репертком	24
Литературный прообраз «Волги-Волги». Театр Революции.	27
Союз писателей	
Глава 3	30
Первые годы	30
Дачное строительство в ранний период	34
Второе пришествие	37
Правление ДСК «Работники искусств»	40
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виктор Млечин

На передних рубежах радиолокации

Автор выражает благодарность В. К. Бирюкову за ценные замечания, сделанные в процессе подготовки рукописи книги к печати.

© Млечин В. В., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Вместо введения

Каждый человек, который когда-либо брал в руки радиоприбор и пользовался им, знаком с понятием «помеха». Помехой может оказаться просто плохой контакт между соединениями схемы, отсутствие надлежащего заземления шасси прибора, фон сети, проникающий из-за недостаточной фильтрации источника питания. Существуют помехи и другого рода, например помехи, связанные с замиранием сигнала на трассе его распространения, попадание в полосу пропускания вашего прибора паразитных излучений соседней станции или находящейся неподалёку промышленной установки. Все эти помехи в основном относятся к классу неорганизованных помех. Но наибольший интерес представляет собой класс организованных помех. Когда возникает межличностный конфликт или конкуренция между деловыми компаниями, а свои разногласия они пытаются разрешить путём создания взаимных радиопомех, то такие действия можно отнести к классу организованных помех внутри гражданского общества данной страны. Значительно опаснее использование арсеналов организованных помех в военных конфликтах между государствами. Опаснее потому, что точность наведения современного оружия всё более возрастает, а средства транспортировки этого оружия обеспечивают незамедлительную доставку его практически в любую точку дислокации. Основным переносчиком информации при наведении оружия на цель являются электромагнитные волны, диапазон использования которых к настоящему времени впечатляюще расширился и простирается от длинноволновой части спектра до области рентгеновского излучения. В связи с этим резко увеличивается роль оборонительных мероприятий по защите объектов от нападения, среди которых важное место занимают средства по искажению или разрушению передаваемой информации, что может привести к существенным помехам или срыву атаки. Учитывая, что основным инструментом получения точных координат поражаемой цели является радиолокационная станция (РЛС), задача противорадиолокационных средств состоит в нарушении работы одного или нескольких каналов наиболее существенно влияющих на точностные характеристики РЛС. Переводя разговор на профессиональный язык, должны быть сформированы помеховые сигналы или их сочетания, нарушающие функционирование каналов РЛС с заданной вероятностью. Но на любое помеховое воздействие другая сторона может ответить нейтрализующими мерами. Так возникает проблема «щита и меча», которую с учётом специфики применения часто именуют радиоэлектронной борьбой (РЭБ). Соперничество в межгосударственных отношениях с использованием радиоэлектронной техники началось почти одновременно с изобретением радио. В тот период времени усилия специалистов были направлены на обеспечение устойчивой радиосвязи, и неудивительно, что в 1905 г. во время русско-японской войны радисты русского флота впервые в мире создали активные помехи сетям радиосвязи японских кораблей.

Дальнейшее совершенствование радиоэлектронной техники привело к созданию новых средств радиосвязи, а также устройств воспрепятствования (блокирования) радиосвязи и к возникновению новых направлений, таких как радиолокация. Этим объясняется то, что в годы Второй мировой войны для повышения эффективности защиты бомбардировочной авиации Англии и США от немецких ПВО, использовавших РЛС управления зенитной артиллерии, широко применялись пассивные и активные средства РЭБ, что значительно снижало потери боевых самолётов.

В те же годы в СССР были созданы специальные радиодивизионы для глушения (подавления) немецких радиостанций, что позволило во время Сталинградской битвы блокировать связь между верховным командованием немцев и окруженной армией Паулюса.

Такова была предыстория. История для меня началась в послевоенный период. Любая разработка, с которой мне приходилось иметь дело, требовала учёта не только действующей

щих помех, но и предвидения наиболее опасных угроз внешнего или внутреннего характера, серьёзно снижающих потенциальные возможности разрабатываемой аппаратуры.

Конечно, я подходил к решению этих проблем постепенно. В 1948 г. я был распределен в Центральный научно-исследовательский институт радиолокации (ЦНИИ-108). Пришел вместе с группой выпускников радиофакультета МАИ для стажировки и подготовки дипломного проекта. Попал в 13 лабораторию, которой руководил А. А. Расплетин, имя которого сейчас хорошо известно. По-видимому, единственный раз в своей богатой производственной деятельности Александр Андреевич взялся за руководство дипломным проектом студента-выпускника. На основе общей практики после успешной защиты и получения диплома инженера в 1949 г. выпускников МАИ зачисляли в штат института. И хотя особой инициативы я не проявлял, т. к. усиленно в это время вникал в суть поставленных задач, по представлению А. А. Расплетина и указанию руководства института я был оформлен в штат 13 лаборатории еще в 1948 г. Поначалу занимался чисто локационными вопросами: мощностями, дальностью, точностью, разрешающей способностью. Но время диктовало, и я смещался в сторону более сложных задач. К 2007 г. вместе с предыдущей работой на кафедре радиолокации МАИ мой трудовой стаж приблизился к 60 годам.

За долгие годы работы мне нередко приходилось встречаться с возникающими вызовами и участвовать в решении многих задач, которые в той или иной степени можно отнести к области РЭБ. Однако рассказать обо всех этих проблемах я, конечно, не смогу по ряду причин. Во-первых, часть этих проблем до сих пор закрыта по соображениям секретности, во-вторых, некоторые подробности, связанные с возникновением самой проблемы, мною изрядно подзабыты, и чтобы их вспомнить, нужно по крайней мере значительное время, и, наконец, в-третьих, объем изложения может существенно превысить ограниченный размер данного повествования. Поэтому коснусь некоторых ключевых вопросов. Одна из таких проблем, которую можно условно назвать проблемой малых высот, связана с действием пассивных и комбинированных (т. е. пассивных и активных) помех. Наименование проблема получила из-за того, что на малых высотах локация малоразмерных целей сильно затруднена фоном подстилающей поверхности в виде неровностей рельефа, складок местности, обильной растительности, искусственных строений или в виде морских волн. Малоразмерная наземная цель или летательный аппарат на малой высоте проходят через систему обороны маскируемые отражениями от местных образований. Эта проблема была первоочередной 60 лет назад и, несмотря на прогресс техники, сохраняет свою актуальность в наши дни. Проблему решают с помощью аппаратуры селекции движущихся целей (СДЦ). Кстати, системы СДЦ используют не только на малых высотах, но и в более широком интервале высот, например, для борьбы с таким видом пассивной помехи, как отстреливаемые с летательных аппаратов пачки дипольных отражателей.

Я начинал разработку систем СДЦ для подвижных наземных РЛС в интересах сухопутных войск во второй половине 50-х годов в связи с заказом на работу «Рейс». В качестве формирователя скоростной характеристики была выбрана цепочка из линий задержки с прямыми и обратными связями. Линий с большим временем задержки, умеренным затуханием и малыми паразитными отражениями никто в институте не брался изготовить, и я обратился к смежникам, которые спустя некоторое время прислали несколько образцов ультразвуковых линий на основе магниевого сплава. Аппаратура на базе этих линий была создана, прошла лабораторные и полигонные испытания и показала возможность регулирования скоростных характеристик для различных тактических ситуаций. Однако теория таких систем была в то время ещё в зачаточном состоянии. Для начала необходимо было определиться с исходным сигналом, в качестве модели которого была выбрана последовательность видеоимпульсов с амплитудной модуляцией (АИМ). Теория дискретных цепей на линиях задержки, выполненная на базе так называемого z-преобразования, показала, что подобные схемные образо-

вания действуют по отношению к огибающей импульсов также как обычные непрерывные цепи к мгновенным значениям входного сигнала. Это означает, что возможно, например, формирование резонансных контуров, пропускающих лишь последовательность импульсов, огибающая которых находится в пределах полосы пропускания контура вблизи резонанса. Важным при этом является выделение областей устойчивости таких цепей. Элементы теории были опубликованы в ряде изданий в 60-х годах, привожу лишь две ссылки¹.

Работа велась малым составом. Кроме меня в ней участвовали ещё 1–2 человека, которые помогали в проведении лабораторных и полигонных измерений. Средняя величина подавления сигнала пассивной помехи составляла примерно 25 дБ, что было удовлетворительно по тем временам.

Как выяснилось позже, в те годы (конец 50-х – начало 60-х годов) в КБ-1 была создана сильная группа разработчиков аппаратуры СДЦ для выделения сигналов низколетящих самолётов на фоне мощной пассивной помехи в интересах зенитно-ракетного комплекса (ЗРК).

Ещё одна проблема, которую хочу упомянуть, состоит в правильном выборе средств РЭБ на основе тщательного анализа текущей радиолокационной и помеховой обстановки. Неудачный арсенал выбранных средств, как и недооценка помехового фактора вообще, могут привести к плачевным результатам. Сошлюсь на несколько примеров, часть которых относится к области международных отношений.

Первый эпизод произошёл 1 мая 1960 г. Однако ему предшествовали определённые события. В середине 50-х годов шло строительство оборонительного комплекса ПВО вокруг Москвы. Это сильно будоражило руководство США. Для получения нужной им информации решили использовать авиацию. Попытки прорыва самолётов на средних высотах были пресечены. В срочном порядке был дан заказ фирме «Локхид» на строительство нового высотного разведсамолёта, которому дали шифр «U-2». В связи с возможностями прорыва самолётов-разведчиков на больших высотах (более 20 км) в конце 1954 г. было созвано совещание, в котором приняли участие от КБ-1 Б. В. Бункин, от ракетчиков – главный конструктор П. Д. Грушин. Присутствовали маршалы Г. К. Жуков и Л. А. Говоров. По воспоминаниям Б. В. Бункина в ответ на цифру высоты перехвата целей в 18 км, которую на том этапе могли обеспечить конструкторы, Л. А. Говоров воскликнул: «Этого мало. Нам надо 25 км». И такая высота перехвата была достигнута. Вот почему 1 мая 1960 г. самолёт-разведчик U-2, пилотируемый лётчиком ВВС США Ф. Г. Пауэрсом, проникший со стороны Афганистана, был сбит на высоте 22 км в районе Свердловска ракетой ЗРК С-75. Пауэрсу тогда повезло, т. к. он сумел выбраться из обломков самолёта и опустился на землю на парашюте. Что же выяснилось впоследствии? Оказывается, что U-2 был укомплектован станцией активных помех, настроенной не на борьбу с ЗРК, действие которого они никак не ожидали на таких высотах, а на атаки советской истребительной авиации с применением систем «воздух-воздух». Так была решена проблема «больших высот».

Провальный инцидент с американским самолётом-разведчиком, широко освещавшийся в мировой печати, послужил поводом для анализа потенциальных возможностей существовавших тогда средств РЭБ. В 1961 г. в США вышла книга американского инженера Роберта Шлезингера под названием «Principles of electronic Warfare». Слово «warfare» словари толкуют и как столкновение, и как борьба, и как приёмы ведения войны. Наше издательство, выпустившее эту книгу на русском языке, дало ей предельно жёсткое название – «Радиоэлектронная война». Войны, слава богу, не случилось, но это позволило сопоставить

¹ В. В. Млечин «Частотный анализ дискретных цепей на линиях задержки». М., Радиотехника и электроника, 1966, т. XI, № 7; В. В. Млечин «Устойчивость дискретных цепей на линиях задержки». М., Радиотехника и электроника, 1969, т. XIV, № 8.

мнение советских специалистов с господствовавшим в то время в США для того, чтобы развивать технику РЭБ в соответствии со складывавшейся международной обстановкой.

Ещё один случай недооценки реальной радиолокационной обстановки произошёл на Кубе, в разгар Карибского кризиса. 27 октября 1962 г. американский высотный самолёт-разведчик U-2 нарушил воздушную границу Кубы и сразу же был обнаружен средствами ПВО. Ввиду отсутствия ответного сигнала госопознавания, находившийся на Кубе расчёт ЗРК С-75 получил команду на уничтожение. Самолёт был сбит двумя ракетами и упал в 12 км от позиции ЗРК. Пилот Р. Андерсон погиб. На следующий день были открыты советско-американские переговоры, завершившиеся урегулированием Карибского кризиса.

Скептическое отношение к помеховой тематике и её возможностям нередко и в среде отечественных разработчиков. «Мы всё можем, никакие помехи нам не страшны» – вот лейтмотив подобных суждений. Характерный эпизод приводит в своих воспоминаниях учёный секретарь НПО «Алмаз» Е. М. Сухарев. На полигоне, на 35-й площадке вблизи Балхаша, проводились в начале 60-х годов испытания РЛС подсвета цели (РПЦ) системы С-200. Для проверки помехозащищённости РЛС с аппаратурой помех приехали сотрудники 108 института во главе с тогдашним директором П. С. Плешаковым. И хотя меня на полигоне тогда не было, ситуацию хорошо помню, т. к. был участником этой разработки. Об обстановке и ходе работ подробно рассказывали приехавшие с полигона Б. Д. Сергиевский и Ю. Н. Беляев. Кроме обследования действия помех на РПЦ конечной целью было исследование возможностей срыва слежения одного из важнейших контуров станции. Производились облёты с установленной на борту носителя аппаратурой помех. И хотя помеха в приёмнике фиксировалась, эффекта поначалу не было. Шли обсуждения. Причин произошедшего могло быть несколько, но, главная, по-видимому, состояла в нестыковке параметров.

Некоторые представители принимающей стороны высказывались в том смысле, что времени на проведение исследования причин у нас нет, ресурсы ограничены, давайте зафиксируем отрицательный результат, а дома проведём доработку. По сути, это была одна из форм неверия в возможности средств противорадиолокации. Неожиданно выступивший А. А. Расплетин предложил настроить аппаратуру помех под параметры РПЦ, объясняя свою позицию тем, что будущий противник всегда сможет этого добиться. Стыковочные работы закончились тем, что срывы слежения за счёт действия помех стали непреложным фактом.

Ещё одна проблема, к которой хотелось бы привлечь внимание, заключается в необходимости теоретического осмысления сложного взаимодействия помехи и системы, работу которой помеха призвана нарушить, с одной стороны, и каковы меры защиты от помех, с другой стороны. Некоторые практики-разработчики аппаратуры порой резко негативно относятся к самой перспективе заниматься теорией, с их точки зрения, неблагоприятным делом. «Ещё мне копать в математике, да я десять раз всё это проверю опытным путём», – рассуждают они. Я, как старый практик, в ряде случаев соглашаюсь с ними. Ибо зачем излишне теоретизировать там, где простейший эксперимент быстро может дать ответ на возникший вопрос. Но современная техника такова, что даже многократно проведённое экспериментальное обследование может завершиться тупиковым результатом. И даже сложное, иногда весьма разветвлённое электронное моделирование не в состоянии учесть некоторые скрытые нюансы, которые сравнительно просто выявляются несложными математическими выкладками. И это тем более справедливо, когда нужен системный подход к задаче и требуются обобщённые результаты.

Существует множество теоретических работ, исследующих воздействие различных помех на те или иные радиотехнические устройства. Но мне не удалось найти в достаточно обширной библиографии обобщённого труда, исследующего с единых позиций результаты воздействия широкого класса типовых помех на типовые радиотехнические системы и устройства. В этом вопросе имеется ряд трудностей, которые, возможно, и явились одним из

оснований отсутствия подобных работ. Перечислю некоторые из них. Так как сигнал помехи является в целом случайным процессом, необходим статистический подход к проблеме. Наиболее важным объектом помехового воздействия представляются замкнутые системы, ввиду того, что их функционирование наиболее опасно для обороняющейся стороны. Наконец, ещё одна трудность для теоретического анализа состоит в нелинейности радиотехнических систем.

Я неоднократно обсуждал эту проблематику с наиболее продвинутыми в помеховой тематике специалистами 108 института – А. В. Загорянским и Б. Д. Сергиевским, высказывая пожелание, чтобы они взяли на себя тяжёлую ношу по созданию такой обобщённой теоретической работы. А. В. Загорянский, в принципе не отвергая этой идеи, был перегружен текущими заказами. Кроме того, я знал, что болезнь, которой он давно страдает, подтачивает его силы, что, может быть, и ограничивало его творческие возможности. Б. Д. Сергиевский являлся автором многочисленных статей и отчётов, но когда заходила речь о переходе к этапу обобщения, он отмалчивался, по-видимому, что-то его сдерживало.

В конце 80-х – начале 90-х годов, будучи загруженным сугубо практическими, в том числе полигонными, работами, я заинтересовался регрессионным анализом, который наиболее ярко отражён в трудах нашего крупного учёного в области теории вероятности и математистики В. С. Пугачёва. Вообще, регрессия даёт возможность произвести оценку неизвестного случайного процесса $Y(t)$ по результатам наблюдения другого случайного процесса $X(t)$. В более точном смысле регрессия определяется как условное математическое ожидание $M[Y(t, X)]$ и служит оптимальной оценкой зависимости $Y(t)$ от $X(t)$.

Что может дать использование регрессионных моделей? Предположим, что на вход замкнутой системы автоматического управления, например на вход следящей системы, поступает простейшая помеха в виде аддитивного шума (от слова «add» – добавить, приложить). Случайный процесс, который возникнет в системе под действием помехи, будет зависеть не только от линейных параметров, заложенных в системе, но и от нелинейных её свойств. В результате аддитивный шум преобразуется в мультипликативный, а в контуре системы создаётся нелинейное звено множительного типа, именуемое мультипликативной нелинейностью (МН). Линейная регрессионная модель для МН характеризуется прямой зависимостью от приложенного шума; параметры зависимости, как и погрешность данной оценки, должны быть определены для каждой конкретной схемы.

Анализ одноконтурной системы с МН был обобщён на многомерные и многоконтурные системы. Наряду с непрерывными контурами удалось рассмотреть различные модификации дискретных систем, что прокладывает путь к исследованию нелинейной цифровой техники, работающей в помеховом режиме. Немаловажно то, что выбранный метод позволил провести тщательное исследование устойчивости системы и определить условия, при которых под действием помехи происходит срыв слежения. Кроме замкнутых систем анализу подвергались разомкнутые классы систем в режиме действия мультипликативной помехи. Утилитарность выбранного подхода дала возможность исследования статистической динамики типовых радиотехнических систем и устройств. Собранные материалы составили довольно объёмную книгу, выпущенную несколько лет назад одним из московских издательств²).

Далее я хотел бы затронуть ряд принципиальных вопросов, касающихся всего цикла разработки новой аппаратуры.

Прежде всего, должна быть чётко поставлена цель разработки и разъяснены обстоятельства, при которых возникла необходимость в создании будущего изделия. Если имеется постановление правительства или государственный заказ, то предполагается, что проведены

² Млечин В. В. Теория радиоэлектронного преодоления. – М.: Радиотехника, 2009. – С. 1–973.

соответствующие согласования и разработчик может опираться на вполне официальный документ и помощь со стороны курирующих ведомств. Другое дело, когда задание выдаёт головное предприятие или некая фирма и вы находитесь в положении подрядной организации или в лучшем случае соисполнителя. В этой ситуации разработчику приходится иногда проверять заказчика на наличие авторитета и гарантию деловых связей. Разработчик при любом заказчике должен тщательно изучить переданное ему техзадание, выявить в нём слабые стороны, спрогнозировать возможные отклонения, произвести анализ комплектации и требований к ней с учётом её недопоставок. В мои годы мы в основном работали на базе правительственных постановлений. Но вот начались лихие 90-е годы, финансирование внешне прекращалось; сотрудникам массово не платили зарплату. На фоне такого положения некоторым предлагали заказы, полученные от дальних зарубежных стран. Ввиду безденежья отдельные специалисты соглашались. Я всегда отказывался. Мотивировка простая: я родился в СССР, учился и работал в России, знания и опыт отдавал России и ни на кого другого работать не буду.

После получения техзадания необходимо приступать к решению поставленной задачи. Надо было искать оптимальный вариант, а он, как правило, на поверхности не проглядывался. Значит, нужны были свежие мысли и движения в сторону новых идей. Собственно, этим и приходилось заниматься в промежутках времени между лабораторными работами и полигонными испытаниями. Идеи иногда рождались неожиданно или как результат анализа предыдущего опыта – положительного либо негативного. В редких случаях я шёл от аналогичных решений в смежных областях, но после долгих раздумий приходил к мысли о том, почему именно их невозможно применить к решению поставленной задачи. Обычно я проверял правильность начального посыла новой идеи двумя путями: с помощью выбора аппарата анализа и на его основе – простейших математических выкладок и, второе, с помощью самых простых электронных схем. Конечно, это было только начало, далее следовала серьёзная проработка. Приведу очень кратко несколько примеров решаемых в своё время технических задач.

50 лет назад стала актуальной задача выделения внутренней структуры в целом неизвестного радиосигнала. Известным было лишь то, что несущая сигнала находилась где-то в довольно широком интервале сантиметрового диапазона радиоволн. Нужно было у этого неизвестного радиосигнала определить закон угловой модуляции. Эта задача тогда была решена путём введения СВЧ линии задержки и сдвига несущей приходящего сигнала³.

В книге вышеупомянутого мной американского автора Р. Шлезингера рассказывается об уводящих помехах по дальности и скорости. Однако ещё раньше, когда эти помехи вошли у нас в оборот, совершенно неясно было, каковы их эффективность, как её усилить и, главное, как от них защититься. Вместе с моими помощниками нам удалось предложить ряд новых идей по усилению действия этого вида помех и способов защиты от них. Применительно к ЗРК группой специалистов КБ-1 были найдены иные пути решения задачи защиты от увода, о чём сообщается в их книге⁴.

Ещё один вопрос, возникший на заре создания средств РЭБ, связан был с развитием номенклатуры ретрансляционных передатчиков помех. Дело в том, что входящие в тракт ретрансляции лампы бегущей волны (ЛБВ) имели очень ограниченный индекс фазовой модуляции (ФМ), что не позволяло получать глубокие отклонения частоты ретранслируемого сигнала (т. е. большие девиации) и сдерживало формирование эффективных помех. Нам с В. В. Шишляковым удалось разработать способ, названный способом «псевдочастотной» модуляции, с помощью которого на базе ФМ можно было получать глубокую девиацию

³ В. В. Млечин. Изобретение по а.с. 471673.

⁴ 60 лет НПО «Алмаз» М.: Унисерв. 2007.

частоты (вплоть до сотен тысяч Гц и более). Ныне подобный метод излагается в учебных изданиях⁵.

Меня мои молодые коллеги часто спрашивали: «Сколько у вас изобретений?» Раньше я особо не обращал внимания на подобные вопросы, т. к. просто не было времени рыться в архивах. Но вопросы поступали, и, прикинув, я отвечал: «Около 100». Затем уточнял: «Более ста», теперь, думаю, более ста пятнадцати. Много это или мало? Не знаю. Иногда мне казалось, что мог бы больше. Но всегда понимал, что кроме нового, неожиданного решения нужно самому убедиться, что эффект действительно есть, а другим доказать осуществимость по технике если не сегодня, то в ближайшем будущем. Это большая работа, и на неё требуется много времени. С другой стороны, конечно, осознавал, что в истории сохранились имена изобретателей, учёных или простых испытателей, новации которых пережили века. Одно или два изобретения сделал человек и обессмертил себя. С такими тягаться невозможно. Поэтому нет однозначного ответа на подобные вопросы.

Но вот изделие идейно оформилось, схема приняла завершённые черты. Надо воплощать наработанное в конструкцию. Некоторые молодые радиоинженеры полагают, что на отладке схемной части их функции заканчиваются. «Пусть затем работают конструкторы», – рассуждают они. Такая точка зрения на самом деле бьёт по автору изделия, ибо нет схемы без конструкции, но и нет радиоконструкции без схемы. В принципе, радиоспециалист должен владеть основами механики, понимать на надлежащем уровне, какую конструкцию он желает получить. Так вышло, что, будучи выпускником радиофакультета, я на ранних курсах сдавал ряд дисциплин, связанных с механикой, в т. ч. теорию механизмов и машин и детали машин. Помню до сих пор, что ТММ сдавал самому академику И. И. Артоболевскому, учёному с мировым именем. Конечно, многие черты дисциплины изрядно подзабыты, но, как кажется, до той поры, пока не взял учебник в руки.

Теперь о полигонных испытаниях. Чуть свет встаёшь вместе со всей командой, садишься на Уазик и после изрядной тряски прибываешь к месту работы. Сначала устанавливаешь первичную сеть, затем включаешь аппаратуру. После настройки проводишь измерения и, если всё в порядке, начинаешь поддерживать связь со своим корреспондентом, который находится где-то рядом на земле, на вышке, летательном аппарате или на корабле. Поработал, а время бежит, и уже призыв к обеду: если не успеешь, останешься без еды. Затем снова работа. Всегда считал, что именно на стадиях полигонных испытаний находишь скрытые слабости, недостатки того, что вроде бы работает нормально, прикладываешь усилия для устранения дефектов. Я бывал на многих полигонах, участвуя в испытаниях, объездил значительную часть страны: с севера на юг и с запада на восток.

Конечно, во всех поездках были свои приключения. Приходилось приспосабливаться к разным условиям работы и климатическим особенностям. Спал на Севере в мёрзлых кунгах, на Юге – в раскалённых после дневной жары вагончиках. А так обычно – в заводских гостиницах, ведомственных общежитиях, полигонных домиках или коттеджах. Расскажу не о себе, а о том, что часто забавляло сотрудников 13 лаборатории, которую в разные годы возглавляли А. А. Расплетин и Г. Я. Гуськов. Был у нас ведущий инженер С. В. Хейн, безотказный в работе и которому очень доверял А. А. Расплетин. И вот, приехав на полигон с аппаратурой летом в Одесский военный округ, С. В. Хейн сел в тени, под деревом, отдохнуть. Был он в пальто, с надетой на голову шляпой, и к тому же в очках. Проходящие в штаб части офицеры особого внимания на него не обращали. Но вот направлявшийся туда же сотрудник военной контрразведки усмотрел в сидящем подозрительном человеке шпиона и арестовал его. Потом в 13 лаборатории все смеялись, а С. В. Хейн с улыбкой добавлял неко-

⁵ Ю. М. Перунов, К. И. Фомичёв, Л. М. Юдин «Радиоэлектронное подавление информканалов систем управления оружием, М., Радиотехника, 2003.

торые подробности своего ареста. Другой случай произошёл с тем же С. В. Хейном, но уже в Закарпатском военном округе. Шли войсковые учения, объяснения по технике давал С. В. Хейн. И вот к нему в кабину вошёл командующий артиллерией Советской армии генерал М. И. Неделин. Он увидел картинку на экране индикатора РЛС, и у него возникли вопросы. Кроме общих вопросов генерала (впоследствии маршала) интересовали конкретные данные о параметрах станции, на что С. В. Хейн старался давать весьма уклончивые ответы. Генерал заходил и с той и с другой стороны, но С. В. Хейна расшевелить не удавалось. Тогда Неделин сказал: «Товарищ Хейн, я же главнокомандующий, мне можно». Потом этот эпизод долго разыгрывался сотрудниками 13 лаборатории.

Глава 1

Детские и юношеские годы

Я родился в Москве, а вырос на Сретенке, в одном из её переулков, примыкающих к Сретенским воротам. Мы жили на втором этаже четырёхэтажного кирпичного дома, каждый этаж которого представлял собой длинный коридор с комнатами-квартирами по обеим сторонам. Окна отдельных комнат выходили в переулок, окна противоположной стороны во двор. В торце третьего этажа была дверь для прохода в соседний дом, стоявший на улице и который по генеральному плану Москвы 1935 г. должен был быть снесён, но до сих пор стоит, правда, реставрированный с заменой перекрытий. Во дворе находилась котельная, работавшая на угле и обслуживавшая несколько соседних домов. Угольная крошка от топлива разносилась бегаящими ребятами по всему двору, но на это особого внимания никто не обращал. Переулок был мощён камнем, иногда проезжавшие телеги на конной тяге выворачивали отдельные булыжники, что служило предметом ребячьих игр. Переулок был в основном застроен старыми, одно-, двух – и редко трёхэтажными домами. Несколько пяти-, шестиэтажных домов стояли в верхней части переулка.

Переулок крутой горой спускался вниз к «трубе» – Трубной улице, а наверху, на Сретенке, стоял дом, известный всей ребятне. В этом доме размещался кинотеатр «Искра», показывавший немые кинофильмы. Рядом с кино в этом же доме находился магазин детских игрушек. Сюда меня водили главным образом родственники, приезжавшие к нам и пожелавшие сделать мне подарок.

В мои детские годы переулок был фактически свободен от движения какого-либо транспорта. Я ещё застал время, когда лихие извозчики изредка подвозили своих пассажиров. Но их пора постепенно исчезала. Легковые автомобили, главным образом иностранного происхождения, проезжали через переулок, но это были скорее единичные явления. Иногда в переулке громыхла подвода, набитая грузом, с запряжённой лошадью-тяжеловозом. В дневное время переулок становился площадкой для игр. Весной и летом играли в лапту, зимой – на санках и лыжах. Для футбола подбирали другое поле – в подворотне домов, где не надо было возводить ворот, а вратари занимали положение на входе и выходе. Родители контролировали своих отпрысков прямо из окон или спускались вниз из подъездов. Тем самым предупреждали возможные столкновения или драки, что, впрочем, бывало редко.

В отличие от переулков Сретенка была сравнительно загруженной магистралью. Если не ошибаюсь, по ней одно время ходил даже трамвай, а потом рельсы сняли, и стал курсировать автобус небольшой вместимости с одной дверью, которую приводил в движение водитель с помощью простой механической тяги. Но что было характерно – по Бульварному кольцу следовал трамвай «Аннушка», рейс «А», с остановкой у Сретенских ворот. Сев в трамвай, можно было за короткое время доехать, например, до Арбатской площади, до кинотеатра «Художественный».

Мои родители были занятыми людьми. Отец, если не был в разъездах, пропадал на службе, мама работала секретарём-машинисткой. Надо было зарабатывать деньги, их всегда не хватало. Вместе с тем мама успевала ходить в магазин, готовить обед. Всё домашнее хозяйство было на её плечах. Рано познавшая, что такое тяжкий труд и какова мера ответственности за семейное благополучие, она сохраняла спокойствие и выдержку в самых сложных, а иногда и критических обстоятельствах. Мама была прекрасным, справедливым человеком. В условиях тесного общения с соседями, в том числе и на общей кухне, от неё никто никогда не слышал не только худого слова, но даже признаков какого-либо недовольства. Со своими советами не спешила, но рассуждала по справедливости. Соседи ходили

к ней за поддержкой, зная, что она ободрит, скажет своё доброе слово. Вот даже простых людей, рабочих, трудившихся в квартире или на даче, покормит, улыбнётся, поможет, и они относились к ней как-то по-особенному тепло.

Как мама не крутилась, периодически подбрасывая ребёнка бабушке, ей приходилось нанимать няню. По-видимому, нянь было несколько, но я запомнил одну – бабу Таню. Она была старше моих родителей и приехала из голодного края центральной России на заработки. В её обязанности входили стандартные процедуры: накормить, погулять, уложить спать, подмести квартиру. Но она успевала сбежать в магазин за крупой, которую отправляла посылкой сыну Миките (так она его называла), сходить в церковь и ознакомиться с рекламой нового фильма на входе в кино.

Гуляли мы на Сретенском и Рождественском бульварах. Таскала она меня и по Сретенке. Сретенский бульвар мне кажется сейчас несколько иным, чем в годы моего детства. Конечно, тогда не было памятника Н. К. Крупской. Весь начальный полукруг был забит колясками и гуляющими детьми. Меня водили в левую центральную часть бульвара, где собирались пообщаться и поговорить за жизнь няни и где была песочница для детей. Зимой скатывались на санках с правой гористой части бульвара. Тогда склон горы казался мне более крутым, вроде бы в настоящие времена рельеф кажется выровненным. Но особенно любил я зимой гулять по Рождественскому бульвару. Там людей было меньше, а спуск более крутой. Разбегаешься, а потом по двум рукам летишь аж до Трубной площади. В первые годы на санках, а затем на лыжах. Крепления лыж были никудышными: ремешок, а то и просто толстая верёвка. Вденешь ботинок и пошёл... Надо сказать, что в самой верхней части Рождественского бульвара стояло сооружение для мужчин и женщин, похожее на то, которое изображено в известном французском кинофильме «Скандал в Клошмерле». Но ребят это не смущало. Катались ни на что не обращая внимания. Помню, как баба Таня повела меня первый раз в Сретенскую церковь. Необычное освещение, купол, множество людей вместе с пением и речитативом батюшки создали впечатление, что я попал в другой мир. Наверное, ребёнок что-то сообщил об этом маме. Максимум того, что мама могла сказать няне: «Что вы его таскаете». Вечером, за обедом, возможно, произошло обсуждение между родителями этого вопроса. Но отец отнёсся к сообщению мамы спокойно. Хорошо образованный, он знал историю православия, впрочем, как и историю других религий. Поэтому воспринимал излишества обрядов в том же уравновешенном ключе, что и изощрённые лозунги, зовущие в далёкое коммунистическое будущее. Ведя речь о Сретенской церкви, я должен сказать, что в годы моего детства она ещё была открыта, потом её закрыли, а затем в ней был размещён Военно-морской музей.

Наступило время, когда меня определили в детский сад. Он был открыт при Жургазобъединении и находился между Петровскими воротами и Страстной площадью. Поднимали рано, но вставать не хотелось, ещё более долгой и нудной была процедура одевания чулок. Шли с няней пешком вдоль Бульварного кольца. В саду познакомился с друзьями – Саввой Пинчуком, впоследствии учившемся в одном классе со Светланой Сталиной, и Мариком Виленским, будущим членом редколлегии журнала «Крокодил». Но, как известно, в детских садах дети болеют. Не обошла эта участь и меня. Однажды заболел скарлатиной. Отправили в больницу. Быть там ребёнку явно не хотелось. Требование отправить обратно домой было, по-видимому, настолько сильным, что верхняя штанга детской кровати сошла с упоров и придавила большой палец руки. Так что отметина существовала довольно долго. В самом начале 30-х годов помещений для средних школ не хватало. Я пошёл в первый класс школы, расположенной на Рождественском бульваре в бывшем казённом учреждении. Высокое, дореволюционной постройки, здание с уходящими вверх потолками, но узкими коридорами – интерьер, малоприспособленный для организации школьной работы. К началу следующего учебного года возвели четырёхэтажный корпус новой школы в Малом Сухаревском

переулке, и меня перевели в эту школу. Преподаватели были молодые, опыта не хватало, но в целом с учебным процессом они как-то справлялись. Чтобы добраться до школы, мне приходилось пройти по переулку, спуститься вниз и проследовать почти через всю Трубную улицу. Если опаздывал, перелезал через забор, огораживающий территорию школы. Сейчас говорят, что алкоголизм сильно тормозит развитие страны. Может, это и так, но я вспоминаю, что утром, когда бежал в школу, перепрыгивал через принявших дозу и спящих мужиков, лежащих поперёк тротуара или прямо на проезжей части улицы, благо движение транспорта было редким явлением. Это было почти 80 лет назад, но, несмотря ни на что, страна развивалась.

Другое, что запомнилось с тех пор, это – работающие в подвалах старых домов китайцы. Стоя по колено в воде, они стирали бельё на досках – оборудовании, распространённом в те годы. Стирали добела, хорошо, и хозяйки из тех, кто мог, предоставляли им эту работу. Пробегая с портфелем в школу, я наблюдал этих работающих людей из старого чанкайшистского Китая.

Учились в две смены. Писать и читать я уже умел, а вот над хитрыми арифметическими задачками приходилось потрудиться. Говорят, что сейчас такие задачки в начальных классах школьникам не дают. Их больше натаскивают на компьютерную грамоту. Очень жаль. Компьютер – это хорошо, но голова смолodu должна работать. Тем более что дальше идёт алгебра, а затем тригонометрия. Алгебру мы учили по стандартному учебнику Киселёва. Конечно, домашние задания отнимали силы, но свободное время всё же оставалось. Чем оно было занято?

Например, ходили в кино. Рядом, на Сретенке, был кинотеатр «Уран», в котором уже показывали звуковые художественные фильмы. Именно там я смотрел «Чапаева», а затем «Джюльбарс» и «Мы из Кронштадта». Недалеко, на Сухаревке, был другой кинотеатр, «Форум», который также посещали школьники.

Важной частью внеклассной работы школы были тогда встречи и беседы с героями-лётчиками и героями Гражданской войны – красными командирами, как их в то время называли. Фамилий этих людей я, конечно, не помню, но что это было – сомнению не подлежит. Кстати, о лётчиках. Был знаком с В. П. Чкаловым. Произошло это дважды и оба раза на подступах к Сандуновской бане. Дело в том, что в нашей квартире, как и во многих других квартирах москвичей, ни ванны, ни душа не было. Поэтому ходили в баню. Ближайшая баня – Сандуны. Оказалось, что отец, с которым мы шли в баню, хорошо знаком с Чкаловым. Он был с сыном Игорем, который был тогда, насколько я помню, курсантом авиационной спецшколы. Чкалов был в кожаной куртке, носил кепку. Простое, но волевое лицо. Улыбался. Минут десять поговорили, вспомнили какие-то события и расстались.

Другая встреча, которая запомнилась, связана с папанинцами после их пребывания на Северном полюсе. Мероприятие состоялось в Доме мастеров искусств на Пушкинской улице. Папанинцев бурно чествовали, выступающие отмечали их заслуги. Герои подписывали выпущенные книги, посвящённые их жизни и деятельности. Наш хороший знакомый, спецкор газеты «Известия» Э. С. Виленский, участник экспедиции на корабле, снявшем четвёрку полярников со льдины, подводил отца и меня к каждому из них и они оставляли свой автограф. Книгу Всеволода Вишневского с автографом И. Папанина я подарил ветерану нашего института Б. Д. Сергиевскому в день его восьмидесятилетия. Персонально адресованные мне автографы П. Ширшова, Э. Кренкеля и Е. Фёдорова я храню как память о тех знаменательных днях.

Однажды отец повёл меня в Большой театр. Мы прошли через служебный вход, и я сел где-то на галёрке. Состоялся большой всесоюзный концерт художественной самодеятельности. Отец, как выяснилось, был в числе организаторов или, как теперь говорят, кураторов концерта. Отлаженность номеров свидетельствовала о длительном процессе репе-

тий. Выступали артисты – представители всех республик. Некоторые номера особенно понравились публике. Бинокля у меня не было, а с большого расстояния отдельные тонкости концерта просматривались с трудом. Как потом сообщили, в правительственной ложе находились Сталин и члены политбюро. Отец рассказал, что Сталин, выйдя из ложи после окончания концерта, ни к кому персонально не обращался, никому руку не пожимал, но, проходя мимо руководителей концерта, сказал: «Хороший концерт!»

В довоенное время, когда уже учился в более старших классах, стал посещать лекции в МГУ. Покупал за копеечные суммы абонементы, ходил на лекции по философии, истории средних веков, советской литературе. Сейчас вспоминаю циклы лекций, которые читали по истории эпохи Возрождения профессора Сказкин, Дживилегов, Аникст и другие. Думал, что займусь искусством великих мастеров Микеланджело, Леонардо, но время рассудило по-иному. Бывал в театрах, в частности, пересмотрел репертуар детских театров. Кроме Центрального детского театра были театр на Тверской и в Мамоновском переулке. Там я впервые увидел Сергея Владимировича Михалкова, который представлял спектакль «Принц и нищий», инсценировку которого по Марку Твену осуществил будущий известный советский поэт. Михалков был тогда совсем молодым человеком, высокий и худой, он стоял в зрительном зале и, несколько заикаясь, отвечал на многочисленные вопросы окружавших его ребят.

В конце 1939 г. началась зимняя кампания советско-финской войны. Кампания была тяжёлой, армия несла потери, много обмороженных. Но границу от Ленинграда удалось отодвинуть. Сразу по окончании боевых действий, ранним летом 1940 г., мои ленинградские родственники пригласили меня приехать на дачу, которую они сняли на Карельском перешейке. Я прибыл в посёлок Куоккала, где совсем недавно прошла война. Мне было тогда всего 13 лет, но следы той, ещё малой, войны запечатлелись в моей памяти. Развороченные доты, по дороге указатели «Мин нет» или среди груды валунов, характерных для всего побережья, вдруг надпись: «Осторожно, возможны мины». Впервые тогда я попал на побережье Балтийского моря, купался, но пологое дно заставляло идти до глубины довольно далеко, так что порой при прохладной погоде даже дрожь пробирала.

День 22 июня 1941 г. я запомнил навсегда. На нас напала не просто армия одного государства – Германии – на нас напала фактически вся Европа, оккупированная Германией, плюс Италия Муссолини. Это был железный кулак отмобилизованных войск, прошедших боевое крещение накануне вторжения в нашу страну. Мы, как всегда, надеялись, что войны не будет, что сия участь обойдёт нас стороной и мы сможем отделаться лишь фильмами «Если завтра война», заполонившими все довоенные экраны кинотеатров. Но суровая действительность оказалась иной. Заполыхали от бомбёжек города, боевые действия перемещались на Восток, потери росли. Объявленная мобилизация вручёнными повестками вторгалась в жизнь практически каждой семьи. Началась эвакуация детей. Для меня военный период 1941–1942 гг. был многоэтапным. Вот начало пути: Подмосковье, сельхозработы на Рязанской земле, Казань, завод под Казанью...

Москва и область стали готовиться к налётам немецкой авиации. Я был в это время в Подмосковье, когда пришли представители местной администрации с указанием: «Надо рыть траншеи». Задав по наивности вопрос: «А что они здесь будут бомбить?», получил ответ: «Не рассуждать! Рой в человеческий рост». И я вместе с местными жителями рыл траншеи. Когда после войны спустя много лет проходил эти места, удивлялся, как это я смог в свои только что стукнувшие мне тогда 15 лет вырыть такой окоп. Потом, конечно, его закидали землёй.

Никогда не забуду, как под Рязанью, сидя на скамейке в вокзальном помещении, я увидел, что напротив меня разместились две женщины с малолетними детьми. Одна держала на коленях одного ребёнка, другая – двоих. Разговорились. Они поведали мне, что бежали

из горящего Минска, схватив детей, прямо в ночных рубашках. «У нас больше ничего нет. А мужа – военные, наверное, погибли», – сказали они мне.

Потом был оборонный завод, на котором я проработал больше года. Считался разнорабочим. Разгружал мешки, тогдашний стандарт – 50 кг, работал возчиком торфа, затем на лесопилке. Были морозные зимы, валенок не было, вместо них выдали чуни, нечто похожее на валяные галоши. Руки всё же обморозил. Трудовую книжку не выдали. Вместо неё выписали справку. На мой вопрос кадровик отвечал: директор и я не хотим в тюрьму за использование детского труда.

Не забывал о школе. Она находилась в районном центре, в 15 км от завода. Отпрашивался с работы. Ходил в основном пешком, иногда случалось подъехать на подводе. Своих учебников не было, в школе помогли... Занимался поздними вечерами в здании заводоуправления, где, кроме дежурного, никого не было, зато стояла тишина и было тепло, т. к. топили. Ранней весной заболел малярией, хинина не было, потом фельдшер где-то достал пару таблеток. Так что все экзамены до лета успел сдать.

В 1943 г. по окончании школы я подал документы для поступления в Московский авиационный институт. Через некоторое время меня вызвали в военкомат, где сообщили, что по получении повестки я должен явиться с вещами. Почти одновременно, в начале августа 1943 г., я получил телеграмму следующего содержания, цитирую по памяти: «Вы зачислены студентом Московского авиационного института. Согласно постановлению Государственного комитета обороны номер такой-то за подписью председателя ГКО тов. Сталина вы обязаны явиться на занятия первого сентября 1943 г.». Так, находясь одной ногой в казарме, я вновь испытал переменчивость судьбы, сделавшей меня студентом МАИ.

Глава 2

Мой отец Владимир Млечин

Журналистика

Отец, выходец из рабочей семьи, прошёл школу Гражданской войны, когда он 18–19-летним юношей участвовал в боях Красной армии против войск генерала Врангеля в Крыму на Южном фронте.

После демобилизации в 1920 г. он с направлением командования Южфронта прибыл в Москву для учёбы. Приехал осенью, когда уже было прохладно, если не сказать холодно. Нынешнему москвичу трудно представить жизнь тогдашней Москвы. По словам отца, Москва 1920 года характеризовалась следующими короткими фразами: в большинстве домов не топили, продовольственные магазины фактически не работали, общественный транспорт не действовал. Люди порой выхаживали часами из одного конца Москвы в другой для того, чтобы попасть на работу или место учёбы. Поэтому старались не забираться куда-либо на окраины Москвы, где отапливались с помощью дровяных печей. Надо сказать, что многие квартиры в то время пустовали из-за того, что жители бежали из Москвы, часть людей эмигрировала.

В квартирной части военной комендатуры отцу дали список адресов, где можно было бы остановиться. Отец был в военной форме, поэтому не без труда ему удалось разыскать частного извозчика, который согласился поехать по указанным адресам и в пролётку которого отец погрузил свой нехитрый скарб и, главное, узел с продуктами, включая муку, приобретёнными на железнодорожных станциях юга по дороге в Москву. Было холодно, и первый вопрос, который задавал отец при осмотре квартир, был естественным: «Топят?» – «Нет, здесь не топят». Потом он рассказывал, что некоторые квартиры (конечно, по его меркам) были роскошными, но он говорил себе: зачем мне такие хоромы, не для того ли, чтобы замёрзнуть, а затем сбежать. И он отклонял вроде бы лестные предложения. У всякого человека бывают решения, которые он сиюминутно принимает, а затем о них забывает, считая их мелочными, но которые впоследствии оказываются определяющими. Умеренность отца в выборе жизненных благ, проявившаяся тогда и сохранившаяся в последующие годы, была немаловажным фактором его жизни и работы в сложных условиях того времени.

Наконец, отец приехал на Сретенку, где в одном из переулков стоял четырёхэтажный дом, как ему сказали, дом для приезжих. Это не была гостиница в нынешнем понимании этого слова. Узкий, но длинный коридор, по обе стороны которого размещались комнаты, некоторые совсем малой площади. С большой натяжкой их можно было назвать гостиничными номерами, хотя спальное место в отдельных комнатах выделялось с помощью занавесей. Общий туалет, отдельно для мужчин и женщин, находился в центре коридора рядом с кухней. Большая металлическая плита в кухне отапливалась дровами или углём. Прежний, дореволюционный, люд из дома съехал, и комнаты занимали приехавший в Москву на заработки рабочий народ, мелкие служащие и небольшая часть интеллигенции с периферии. Горничных уже не было, и всем хозяйством распоряжались сидящий при входе привратник и приходящая уборщица.

Когда отец вошёл в дом и предъявил документы, привратник показал ему свободную комнату, стоявшую в глубине коридора на втором этаже. Комната была чисто убрана с двумя окнами. И что было самым важным: в комнате было тепло. «У нас своя котельная», – сказал привратник. Отец, как потомственный строитель, обратил внимание на то, что наружная

стена дома имела толщину аж в шесть или семь кирпичей. Мужики, возводившие здание, знали, что такое русская зима. И отец, не ведая, что сулит будущее, дал согласие на проживание. Временное, как ему тогда казалось. «Нет ничего более постоянного, чем временное», – говорят в народе. Это «временное» растянулось... на 37 лет. В дальнейшем комната была разделена перегородками и стала называться квартирой. Но от этого по существу ничего не менялось.

Отец поступил в МВТУ (теперь МГТУ им. Н. Э. Баумана) и с той же осени приступил к занятиям. Было ему 19 лет, и старожилы в доме потом вспоминали, как молодой парень скатывался по перилам лестницы вниз, чтобы бежать учиться. Значительное расстояние до МВТУ в то время приходилось преодолевать пешим образом и при этом не опаздывать. От той поры в стенном шкафу, как я помню, сохранялись чертёжная доска и свёрнутые в рулон листы ватмана с выполненными чертежами и надписями, сделанными каллиграфическим почерком отца. Время стояло голодное, и он вынужден был начать прирабатывать. Но однажды его вызвали в комитет партии, членом которой он состоял с фронтовых времён, и сказали: парень ты грамотный, сотрудничаешь в местной печати, а у нас острая нехватка грамотных людей, особенно в газетах крупных рабочих центров. И его направили в Брянск, в редакцию газеты «Брянский рабочий». Потом он маме рассказывал, что работать приходилось от зари до зари, спать урывками и ввиду отсутствия жилья ложился спать в каком-нибудь редакционном закутке на полу, подложив вместо подушки кулак под голову. Такова была эпоха, и никто не видел в этом ничего особенного. Я по его просьбе потом, много лет спустя, перелистывал подшивки газеты «Брянский рабочий» того периода и обнаружил его статьи и отчёты о поездках на заводы, промышленные объекты, крестьянские хозяйства, выступления по экономическим вопросам. Были репортажи о встречах с иностранными делегациями, посещавшими г. Брянск. Именно там он приобрёл первые навыки работы в советской печати, накапливал журналистский опыт оперативного освещения событий, учился кратко, но точно формулировать в рецензиях свои взгляды на культурные явления того времени. В Брянске отец пробыл несколько лет. Когда родился я, он возвратился в Москву и стал одним из редакторов недавно организованного издательства «Молодая гвардия». Издательство выпускало текущую пропагандистскую литературу, экономические книги для молодёжи, стихи В. Маяковского, молодых поэтов А. Безыменского, А. Жарова, И. Уткина, книги советских прозаиков. По инициативе отца стали издавать приключенческие произведения классиков этого жанра: Жюль Верна, Ф. Купера, других популярных писателей. Наверное, с этих пор велось знакомство отца со многими советскими писателями, а затем и со многими известными деятелями искусств.

Мама любила вспоминать о вечере поэзии, на который отца и её пригласил В. Маяковский. Когда они вошли в вестибюль, билетерша отказалась их пускать, ссылаясь на отсутствие билетов. Они потолкались и собрались уже уходить, когда неожиданно появился Маяковский. «Он был такой высокий и с палкой, – говорила мама, – что услышав наши слова: “не пускают”, тут же с высоты прогремел: “Как это не пускают, если я приглашаю?”», и они вошли в зал.

У нас хранился ряд книг, выпущенных тогда издательством «Молодая гвардия» с дарственными надписями авторов. Куда они делись – не знаю. Помню сборник стихов А. Жарова с надписью, имеющую неприличную концовку:

О, Млечин, Млечин,
Ты будешь вечен
Подобно Млечному пути,
А впрочем, мать твою...

Я оценивал слова о вечности как поэтическую метафору.

Во второй половине двадцатых годов отец перешёл на руководящую работу в газету «Вечерняя Москва». С литературного, издательского дела, где ему приходилось взаимодействовать с писателями разных поколений, он переместился в газету, которая наряду с текущими событиями в городе много внимания уделяла культурной жизни столицы, в том числе деятельности московских и гастролирующих театров. В этот период он знакомится с работой столичных театров, оценивает разнообразие творческих приёмов отдельных режиссёров, критически исследует как спектакли реалистического толка, так и постановки «новаторов», радуется игре актёров-мастеров и театральной молодёжи. Он много пишет, сам содействует публикациям других критиков и прежде всего А. В. Луначарского. Я уже выше говорил, что отец прошёл школу Гражданской войны. Так вот, в мирное время он прошёл школу Луначарского. Её проходили многие, но отец был знаком с семьёй Луначарского и, конечно, с его женой Н. А. Розенель, часто бывал в квартире Луначарского в Денежном переулке. По преданию, меня ребёнком отец и мама возили «показывать» семье Луначарских. Я встречался с Натальей Александровной. Уже после войны, в 50-х годах, она позвонила отцу и предложила встретиться всем вместе. Пришла с последним спутником своей жизни, и мы вчетвером сидели в ресторане гостиницы «Москва», если не ошибаюсь, на восьмом этаже. Н. А. интересовалась моей жизнью, расспрашивала отца о его работе, а затем стала вспоминать прошлое... Частично она его изложила в своей книге «Память сердца», вышедшей, к сожалению, уже после её смерти в 1962 г.

Школа Луначарского

Луначарский был наркомом просвещения в первом правительстве Ленина и проработал в этой должности до 1929 г. Его роль в ликвидации неграмотности в России, в развитии литературы, искусства, музыкального и библиотечного дела, в модернизации образования страны огромна. Это – уникальная фигура, аналог которой в истории подобрать трудно. Я не собираюсь писать биографию Луначарского, тем более что на эту тему написано много книг. Ограничусь отдельными эпизодами. Луначарский вырос на Украине в семье состоятельных родителей, где рано проявились его способности. По его словам, учась в четвёртом классе гимназии, 13 лет, он «проштудировал первый том “Капитала” Маркса вдоль и поперёк». Учился хорошо, но всё свободное время посвящал чтению книг. В старших классах гимназии увлёкся изучением модных тогда философских течений. После окончания гимназии уезжает за границу, где в Цюрихском университете посещает лекции сразу нескольких факультетов. По возвращении в Россию его арестовывают за революционную деятельность. Находясь в Лукьяновской тюрьме Киева, Луначарский изучает по книгам английский язык, читает в подлиннике Шекспира, Бэкона, овладевает трудами немецких философов. После активного участия в революции 1905 г. и последующего ареста Луначарский по приглашению А. М. Горького в 1905 г. приезжает на о. Капри. Живя там, ежедневно отправляется на пароходе в Неаполь, где работает в публичной библиотеке. «Меня жутко укачивало, – говорил А. В. – Сотни раз я проделал этот путь и каждый раз страдал морской болезнью. Но зато как хорошо работалось в библиотеке». Луначарский – один из тех, кто реально готовил революцию октября 1917 г. Он выступает на ежедневных митингах, собирающих массы людей. «Откуда только брались силы», – скажет он позже.

Первыми словами, сказанными Лениным после назначения Луначарского наркомом просвещения, были следующие: «Это вам придётся сломить неграмотность в России». Одним из острейших вопросов того времени был вопрос привлечения интеллигенции на сторону революции. Вл. И. Немирович-Данченко рассказывал, с каким скептицизмом актёры встретили первое выступление Луначарского перед труппой Художественного театра. Многие думали, что большевистский нарком во главе искусств сродни «грибоедовскому фельдфебелю в Вольтерах». А он оказался, говорит Владимир Иванович, образованнее самых образованных людей Художественного театра, вместе взятых. В другой аудитории, приветствуя иностранных гостей по случаю двухсотлетнего юбилея Академии наук в Петрограде, Луначарский начал свою речь по-русски, продолжал по-немецки, затем перешёл на французский и итальянский, а закончил латынью.

Говорили о феноменальной способности Луначарского без подготовки, экспромтом выступить на заданную тему. Комментируя подобные высказывания, Н. А. Розенель рассказывала об эпизоде, свидетелем которого была сама. Известный в 20-х и 30-х годах драматург и театральный деятель Серго Амаглобели прибыл в приёмную Луначарского с письмом от президента Академии художественных наук с просьбой выступить на заседании Академии. Луначарский сначала принимал посетителей, затем поехал на заседание Учёного совета, где он председательствовал, после чего направился в издательство. Амаглобели твёрдо решил не расставаться и всюду его сопровождал. Наконец они оба отправились в Академию. В машине Луначарский спросил: что от меня хотят? Какова тема моего доклада? В ответ он услышал, что тема сложная и носит эстетико-философский характер. Остаток пути оба молчали. А по прибытии Луначарский выступил с полторачасовым докладом перед аудиторией, состоящей из писателей и учёных. За ужином Амаглобели воскликнул: «Я поражён, я не отставал от вас ни на шаг, вы же не готовились к докладу», на что Анатолий Васильевич ответил ему очень серьёзно: «К этому докладу я готовился всю свою жизнь».

Луначарский, не отрицая значения новой культуры, настойчиво призывал к овладению культурным наследием прошлого. В этом же ключе он воспитывал молодые кадры. Говоря о творческом освоении прошлого, он выступал против некритического отношения к полученному наследию, против эпигонства и слепого подражательства. «Учитесь у классиков, – говорил он, – но это не значит идти назад, это значит идти до того пласта, на котором можно строить, а затем превзойти лучшие образцы».

Анатолий Васильевич был большой знаток театра. Ещё до революции он посещал многие театры Москвы и Петрограда. Будучи наркомом, он одновременно является руководителем центрального театрального комитета. Он призывает к активизации театрального дела, помогает театрам в неотложных нуждах, стимулирует появление новых театральных коллективов (театр Революции, театр им. Е. Вахтангова – быв. 3 студия МХАТ, театр им. МГСПС, ныне театр им. Моссовета и др.). Стараются посещать нашумевшие премьеры театров. В его квартире собираются писатели, драматурги, критики, актёры. Обсуждают новые театральные постановки, иногда читаются пьесы.

Интересны высказывания Луначарского о некоторых театрах. Вот что он пишет о МХАТе:

«Хочет ли Станиславский действительно жизненной правды в смысле чрезвычайного сходства с действительностью? Да, отчасти... Но он скоро заметил, что жизнь в целом никогда не представишь ни в повести, ни в драме, ни в театре. Её восстанавливают так, как это делал по характеристике Треплёва Тригорин: “У него на плотине горлышко бутылки блестит при луне – и вся лунная ночь перед вами”. Итак, жизненность... вовсе не сводится к непосредственной правдоподобности... Станиславский требовал от литературного материала значительности и выразительности»⁶.

Семья Луначарских была близко связана с Московским Малым театром. Н. А. Розенель была актрисой этого театра. Тогдашний директор театра А. И. Южин – крупнейший актёр того времени – ценил помощь Луначарского театру, и они были в дружественных отношениях. Малый театр называли домом А. Н. Островского. В связи с драматургией Островского и поиском Малым театром современных пьес, Луначарский писал: «Островский был типичным разночинцем... Его определили на 4 рубля жалованья... в суд. И вот тут-то этот ясно-окий чиновничек... вслушиваясь в кляузы, жалобы, предложения взятки... пожал первую жатву своей гениальной наблюдательности... Вскрылся перед нами этот темный мир, полный свежих сил и богатых, тяжёлых страстей, мир самодуров, жестоких и грубых лицемеров, мошенников и в то же время полных внешней благопристойности и благочестия. ...У Островского была таким образом великолепная почва под ногами. У него было что рассказывать и было чему поучить». И далее: «Нам нужно искусство, способное усвоить наш нынешний быт, искусство с проповедью нынешних этических ценностей»⁷.

И, наконец, небольшая выдержка из доклада Луначарского по поводу театра Мейерхольда: «Я знаю многих интеллигентов и рабочих-коммунистов, советских людей, которые говорили: надо поддержать Мейерхольда, он ступил на путь сотрудничества с революцией, стал членом партии. Но я знаю и других, которые категорически требовали закрыть театр, говорили, что это величайший скандал, что это гаерство, несомненная подделка и т. д., и таких немало. Я мог бы назвать тех и других по фамилиям». Маяковский с места: «Назовите». Луначарский: «Этого я не сделаю, потому что тогда тов. Маяковский страшной местью обрушится на них... Я боюсь назвать их в присутствии такого рыкающего льва».

⁶ А. В. Луначарский. Станиславский, театр и революция. Собрание сочинений в 8 т. 1964 г

⁷ А. В. Луначарский. Об А. Н. Островском и по поводу его Силуэты. Составитель И. Луначарская. М. Молодая гвардия. ЖЗЛ. 1965 г.

Я уделил несколько большее внимание взглядам Луначарского в области театральной политики ввиду того, что отец в эти годы много пишет о театре, интересуется театральной жизнью, знакомится с театральными режиссёрами, актёрами, театральными критиками. Работая в газете «Вечерняя Москва», отвечая за выпуск газеты, он находит время для посещения наиболее значимых спектаклей, даёт в газете оценку увиденного, вносит предложения по улучшению художественной ценности постановок. Количество его публикаций растёт (только за первую половину 1930 г. я насчитал около 10 статей и рецензий), его проникновение в театральную специфику углубляется. У него расширяется круг общения, возникают дискуссии, он – один из тех, кто бывает на квартире Луначарского, беседует с ним, выслушивает мнение А. В. и его гостей.

Выше я уже сказал, что отец прошёл школу Луначарского. В чём это выражается? Я вовсе не театровед и могу выразить лишь своё мнение по этому поводу.

Одна из основных посылок Луначарского быть всесторонне образованным человеком. С детских лет, с тех пор, когда я себя помню, я ни разу не видел отца без книги, без газеты или же не склонившимся над рукописью. Сидя или иногда лёжа, он поглощал одну книгу за другой. Будучи тогда молодым и здоровым, он делал это, казалось, без малейшего труда. Привыкнув работать ночами и ложиться спать под утро, он мог за ночь прочитать если не весь том, то значительную часть тома энциклопедии Брокгауза и Эфрона, имевшегося в доме. Я уже не говорю о первом издании Большой советской энциклопедии, выходившей под редакцией (если не ошибаюсь) акад. О. Ю. Шмидта, которую отец выписывал и читал и которую регулярно приносил прямо в квартиру уже пожилой книгоноша. Память у отца была отличной, и полученные знания надолго запоминались. Книги, которые он читал, относились к различным наукам и разделам знания, именно поэтому он находил общий язык при беседах с людьми самых разных профессий. Историю партии (тогда она называлась ВКПб) он, по-видимому, знал неплохо, но сугубо политические книги читал редко, хотя на полках стояли два издания сочинений Ленина, собрание книг Плеханова, изданные тома Маркса и Энгельса. Он ими обычно пользовался, когда нужно было найти необходимую цитату (это относится главным образом к сочинениям Маркса и Энгельса).

Другим направлением воздействия Луначарского я считаю драматургию. А. В. сам был драматургом и знал, насколько тяжёлым было это ремесло. Луначарский говорил (двадцатые годы), что появились новые романы и новая поэзия, а драматургия отстаёт. Луначарский читал поступающие к нему пьесы, анализировал их, а своим гостям демонстрировал наиболее уязвимые места этих пьес. Достойных пьес на современную тематику в те годы явно не хватало.

Луначарский не отделял себя от государства. Он говорил: те, которые думают, что есть какая-то политика Луначарского, просто не знают наших условий. Я, конечно, вёл ту линию, которая проверялась и находила себе опору в наших государственных учреждениях. Это есть политика Советской власти. И нет ничего удивительного в том, что система эстетических воззрений Луначарского, его взгляды на театральное искусство находили понимание у нового поколения театральных деятелей и, в частности, у театральной критики. Конечно, это не означает отсутствие споров и дискуссий. Но в целом методы анализа явлений искусства, выработанные во времена А. В., сохранились и в последующие годы.

Репертком

В 1931 г. по решению Московского горкома партии отца направили работать в Комитет по контролю за зрелищами и репертуаром (Мосрепертком). Начальником данного учреждения был старый большевик Петров. Отец стал его заместителем, а с 1934 г., после ухода Петрова на пенсию, был назначен начальником. Комитет располагался на Маросейке, вблизи Ильинских ворот, на втором этаже недействовавшей тогда церкви (Николая святителя храм в Кленниках). Я до сих пор помню это помещение, т. к. сначала меня приводили, а потом самостоятельно пешком я приходил к отцу, если в этом была необходимость. Внизу со стороны двора обычно стояли посетители, я проходил мимо них, поднимался по лестнице и входил в центральную комнату, где стоял телефон и сидела секретарь. В левой комнате находились сотрудники, справа был небольшой кабинет отца.

Существует мнение, что реперткомы были организованы во времена советской власти для того, чтобы проводить политику в области искусства, выгодную руководящим кругам того периода, быть, так сказать, приводным ремнём для реализации указаний ЦК партии. Это не совсем так. Конечно, антисоветские выпады отдельных коллективов или исполнителей пресекались, пресс идеологии порой давил и на реперткомы, но в целом реперткомы боролись за высокое качество театральных постановок, эстрадных и цирковых представлений, за использование полноценных драматургических и иных литературных произведений.

Мосрепертком курировал Московские театры (за исключением Большого театра). Сотрудники комитета приходили на прогон спектакля, высказывали своё мнение, обращали внимание на недостатки. При положительном отношении к спектаклю он принимался реперткомом. В спорных случаях устраивались повторные просмотры, после чего принималось решение. Относительно редко, но бывали обстоятельства, приводившие к запрету спектакля для показа зрителям. Большей частью спектакли дорабатывались.

Что касается эстрадной деятельности, то исполнители должны были согласовывать с реперткомом литературную и музыкальную основу своих выступлений.

Конечно, всё это можно рассматривать как зажим свободы творчества деятелей культуры, но можно трактовать и как защиту интересов зрителей, которым совершенно не нужны тусклые бесцветные театральные постановки или пошлые эстрадные номера.

Развитие советского театрального искусства было невозможно без взлёта современной драматургии. Некоторые критики считают, что советскую драматургию следует отсчитывать с момента появления пьесы В. Н. Билль-Белоцерковского «Шторм». После этой пьесы драматург написал ещё несколько пьес, поставленных театрами. Отец хорошо знал Владимира Наумовича и писал о его творчестве (статья «Прощание с героем»⁸). Драматургическое мастерство прогрессировало, и в 30-х годах прошлого века появилась целая группа молодых драматургов, пьесы которых ставились в театрах (А. Афиногенов, Вс. Вишневский, Б. Ромашов, Н. Погодин и др.). Писать пьесы стало модным: отцу в Репертком авторы приносили свои пьесы, другие присылали по почте на домашний адрес, так что квартира была заполнена пьесами. Отец внимательно, с карандашом в руке, читал пьесы, оставляя на полях свои замечания и ставя вопросы.

Работа была ответственной. Жаловаться у нас привыкли. Кто-то был недоволен тем, что певец А. спел на бис блатную песню, кто-то сетовал, что творчество певицы Б. страдает «цыганщиной», другим не понравился спектакль известного театра. И кто должен отвечать за всё это? Конечно, Репертком. Но вот я приведу эпизод, который свидетельствовал не о

⁸ Театр и драматургия 1935 г. № 4. См. также сб. 50 лет В. Н. Билль-Белоцерковского М. ЦЕДРАМ. 1935. Предисловие В. Млечина.

жалобах простых зрителей, а о недовольстве именитых гостей. Было это в середине тридцатых годов. Вечером, часов в шесть-семь, отец приехал домой пообедать. Только снял пиджак, телефонный звонок. Звонил директор Московской Консерватории: «Владимир Михайлович, срочно приезжайте. Здесь вас ждут». «Что случилось?» – спрашивает отец. Абонент мнётся: «Приезжайте». Когда отец приехал, он увидел пришедших на концерт А. М. Горького и наркома иностранных дел М. М. Литвинова. Горький выглядел крайне недовольным и спросил: «Почему Репертком дал разрешение на выступление этого джаз-бэнда в святая святых Москвы – Большом зале консерватории?» Речь шла о джаз-оркестре под управлением Л. Утёсова. Отец отвечал, что репертком никакого отношения к этому не имеет, по-видимому, Филармония или Москонцерт арендовали помещение. Но Горький продолжал: «Вы понимаете, что это искусство жёлтого дьявола и им не место в Москве?» Литвинов поддакивал. Переубедить Горького было трудно. По указанию властей Утёсову разрешили гастролировать в провинции.

Кроме основной работы отца нагружали различными общественными делами. В середине тридцатых годов он регулярно выезжал в деревню центральных районов для проведения агитационной работы среди крестьян. Последний раз, как я помню, он отправился в такую поездку на машине вместе с известным революционным деятелем польского происхождения Феликсом Коном, жившим в Москве. По указанию горкома партии читал лекции об искусстве и литературе в различных аудиториях, готовил культурные программы для конференций и съездов, в частности 17 съезда ВКПб. С начала 1935 г. он по совместительству работает заведующим отдела культуры газеты «Известия». Публикует целый ряд статей в этой газете, в том числе такие, как «Монолог со слезой», «Качалов». Отец проходил также объявленные в партии так называемые партчистки, причём без серьёзных замечаний. С середины тридцатых годов в стране сгущается атмосфера будущей военной грозы. Проводятся оборонные мероприятия. Повышается давление на идеологическом фронте. В 1936–1937 гг. в области театрального искусства проходит несколько кампаний, в которые непосредственно оказался вовлечённым среди других и отец.

Первая кампания связана с появлением в газете «Правда» двух редакционных статей. Статья «Сумбур вместо музыки» посвящена критике оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Там говорится о том, что способность хорошей музыки захватывать массу приносится в жертву мелкобуржуазным формалистическим потугам, что это игра в заумные вещи. Критикуется и постановка, где центральное место в оформлении занимает «купеческая двуспальная кровать».

Во второй статье «Балетная фальшь» говорится о балете Большого театра «Светлый ручей» с музыкой Шостаковича. В Москве и Ленинграде прошли совещания по вопросу о формализме в театральном искусстве. Присутствовал и отец. По итогам дискуссии он опубликовал в «Известиях» статью «За полноценное советское искусство».

В октябре 1936 г. режиссёр А. Я. Таиров возвестил в печати о том, что Камерный театр поставил музыкальный спектакль «Богатыри» (с музыкой Бородина), либретто которого вместо дореволюционной версии Крылова заново написал поэт Д. Бедный. Таиров назвал этот спектакль «народной комической оперой».

Примерно через месяц после просмотра спектакля в центральной печати появилась разгромная статья тогда председателя Комитета по делам искусств П. М. Керженцева о фальсификации народного прошлого в спектакле Камерного театра. Особенно много претензий предъявлялось Д. Бедному: возвеличил «разбойничков», богатырей очернил, крещение Киевской Руси изобразил в виде пьяного шабаша. Под «горячую руку» попал и председатель Гравреперткома О. С. Литовский, опубликовавший до этого статью с положительной оценкой спектакля. Так что быть в то время одним из руководителей идеологического фронта было нелегко: надо было иметь остро развитое политическое чутьё. Спектакль сняли. Отец

о «Богатырях» не писал, но я помню его мнение: ничего там особенного не было, кроме бесконечных кувырканий и кульбитов опытных актёров. Я вспоминаю историю с «Богатырями» в связи с двумя фактами. Сразу же после запрета пришёл к отцу домой наш сосед Лев Александрович Фенин и взволнованно говорил: я давно работаю в театре, вы знаете, Таиров, конечно, мастер, но никакой критики не допускает. Я привёл на собрании его слова: ваше дело играть, а мы уж будем за вас думать!

Второй факт имел место весной 1937 г. Мы с отцом пошли в магазин за продуктами. Времени было в обрез: отец должен был уехать. Только вышли на Сретенку, как столкнулись с Д. Бедным (он жил на Рождественском бульваре). Наверное, полчаса Д. Бедный рассказывал о перипетиях с «Богатырями», жаловался, что его перестали печатать, подвергают ostracismu, денег не платят. Отец всё это слушал, сочувствовал. Что он мог ещё сказать?

Ранней осенью 1937 г. был закрыт в Москве Реалистический театр под руководством режиссёра Н. П. Охлопкова. Перед этим известный театральный критик Я. Варшавский в журнале «Театр» (1937, № 5) подробно анализирует деятельность театра и режиссёра Охлопкова. Он утверждает, что Охлопков взял у Мейерхольда идею режиссёрского театра, по которой режиссёр, а не актёр, не ансамбль, является субъектом творческого процесса. На примере спектаклей «Разбег», «Железный поток», «Аристократы», «Отелло» он критикует Охлопкова и делает вывод, что бесцельное, лишённое больших идей «новаторство» Охлопкова завело его в тупик.

Охлопкова и часть коллектива театра перевели в Камерный театр, откуда Охлопков ушёл год спустя. После статьи П. М. Керженцева «Чужой театр», опубликованной в «Правде» в декабре 1937 г., был закрыт и театр им. Мейерхольда.

Конечно, Репертком боролся против формализма в театральном искусстве. Отец значительно раньше всех этих событий писал о формалистических приёмах некоторых наших режиссёров (в т. ч. Охлопкова), что превалирование формы над содержанием, гипертрофия режиссёрских амбиций, принижение роли актёра к добру не приведут. Но Репертком, насколько я знаю, никогда не ставил вопрос о закрытии того или иного театра. Это было сделано сверху, силовым методом.

Литературный прообраз «Волги-Волги». Театр Революции. Союз писателей

Отец практически не пользовался отпусками. В те ограниченные периоды времени, когда представлялся отпуск, он работал, если не на службе, то в соответствии со своими творческими замыслами. Так, в середине тридцатых годов создано своеобразное литературное трио, в которое кроме отца вошли спецкор газеты «Известия» Э. С. Виленский и поэт Арго. Они заключили договор с киностудией на сценарий комедийного фильма о современной действительности. Потребность в таких фильмах, как я понимаю, была. Отец взял отпуск, и они поехали в Киев, а затем перебрались в Канев, к Днепру. Там они сидели и писали сценарий. Главными героями сценария были самодеятельные артисты, путешествующие на пароходе по широкой реке и дающие концерты местным жителям. Там были и музыка, и стихи, и песни. Сценарий отражал характерные приметы того времени. Я не могу судить о качестве проделанной работы, но сценарий был сдан заказчику в срок. Далее, по-видимому, следовал этап обсуждения и поиска режиссёров, желающих снять такой фильм. Безусловно, заинтересованные режиссёры ознакомились со сценарием, но затем наступила длительная пауза... Через год или полтора года вышел фильм «Волга-Волга» режиссёра Г. В. Александрова на эту же тему, но с другими сценаристами. В новом сценарии был развит женский образ, позволявший оттенить и выгодно представить мастерство Л. Орловой, исполнявшей эту роль. Но, как говорили отцу киноспециалисты, параллели между сценариями явно просматривались во многих сценах. Развернулась публичная дискуссия, нашедшая отражение и в периодической печати. Г. В. Александров отстаивал свою позицию. Отец не стал педалировать этот вопрос, который постепенно затух.

В 1938–1939 гг. отец писал киносценарий, посвящённый известному русскому путешественнику Н. Н. Миклухо-Маклаю. Известно, что в 70-х и 80-х годах 19 в. Н. Н. Миклухо-Маклай жил в странах Юго-Восточной Азии, включая остров Новая Гвинея и Австралию. На о. Новая Гвинея он прожил примерно 2,5 года, где вёл антропологические и этнографические исследования. Он вошёл в тесный контакт с местным населением – меланезийцами, называвшимися тогда папуасами. Более того, он завоевал их любовь и доверие и предлагал правительству России организовать там «вольную русскую колонию». С тех пор в северо-восточной части о. Н. Гвинея есть полоса суши, называемая Берегом Миклухо-Маклая.

Я уже говорил, что в 1936–1938 гг. прошли кампании по «идеологической зачистке» духовного пространства. Они сопровождались увольнениями, а также репрессиями части руководителей в сфере искусств. Отец был в самой гуще событий, он вынужден был присутствовать на всех этих собраниях и совещаниях. Но все попытки опорочить или ошельмовать отца закончились полным провалом. «Зацепиться» попросту было не за что. Чем можно объяснить его умение выдержать испытания временем в условиях той сложной эпохи? Я могу только высказать свою точку зрения. Думаю, что главное заключалось в политической интуиции отца. Он был реалист и предвидел возможные повороты событий. Конечно, он не был волшебником, но его свойство «предвосхищать» сохранялось в нём. Он оказался почти единственным руководителем в области идеологии, который за многие годы своей работы не получил даже взыскания, хотя поводов было предостаточно. И это при том, что он вовсе не был «соглашателем», и бывало, что он резко критиковал по принципиальным вопросам некоторых руководителей, в том числе и в самом здании ЦК ВКПб.

В середине 1938 г., видя обстановку, отец написал заявление об уходе по собственному желанию с мотивировкой перехода на творческую работу. Но быть «в резерве» ему удалось очень недолго. В 1939 г. группа ведущих актёров и режиссёров обратилась в Комитет по делам искусств с предложением усилить художественное руководство некоторых москов-

ских театров. В соответствии с этим обращением отца назначили директором театра Революции. Секретарь Московского обкома и горкома ВКПб А. С. Щербаков поддержал это назначение. Театр обладал мощным актёрским коллективом. В театре работали М. И. Бабанова, М. М. Штраух, Ю. С. Глизер, М. Ф. Астангов, С. А. Мартинсон, А. И. Лукьянов, Е. В. Самойлов, Т. Карпова, А. Ханов, Б. Толмазов, Г. Кириллов, Тер-Осипян и др. Репертуар театра насчитывал целый ряд названий, но его надо было подкреплять современной драматургией. При отце был поставлен спектакль по пьесе в стихах Виктора Гусева «Весна в Москве». В нём были заняты Т. Карпова, Б. Толмазов, А. Ханов и другие актёры. Музыку написал Н. Богословский, тогда совсем молодой композитор. Перед самой войной театр осуществил успешную гастрольную поездку на юг, в Сочи и Пятигорск. С началом войны некоторых актёров призывали в армию, судьба других в связи с семейными обстоятельствами менялась. Но коллектив сохранился. С налётами немецкой авиации на Москву театру Революции пришлось создать оборонительное подразделение для защиты здания театра, зрителей и имущества. Сбрасывали зажигательные бомбы с крыши театра, осуществляли ночные дежурства. Нужно сказать, что генералу Громадину, который руководил ПВО Московского оборонительного района, постепенно удалось серьёзно укрепить защиту Москвы с воздуха, что содействовало уменьшению жертв бомбардировок и снижению числа поражаемых объектов. Важное значение имело введение в состав средств ПВО РЛС «земля – воздух». Я это знал и из рассказов сына генерала, подполковника Фёдора Громадина, который одно время у нас работал.

В 1943 г. отец ушёл из театра Революции и перешёл на другую работу. Этому предшествовали некоторые события, связанные с именем Н. П. Охлопкова. Доподлинно эти события мне неизвестны, но некие версии просочились тогда в коллектив театра. После закрытия Реалистического театра Н. П. Охлопков перешёл в Камерный театр и, немного проработав, ушёл в театр им. Вахтангова. Там он поставил спектакль «Фельдмаршал Кутузов» по пьесе в стихах Владимира Соловьёва. Но было совершенно очевидно, что работать с А. Таировым, как и с Р. Симоновым, корифеями советского театра, ему было явно не с руки. И он стал писать письма, в том числе И. В. Сталину, что он не занят в работе, что как режиссёр он простаивает. В качестве плюса для Н. П. Охлопкова было то, что к этому времени он удачно сыграл роль большевика Василия в кинофильме М. Ромма «Ленин в Октябре». Комитету по делам искусств было дано указание найти для Н. П. Охлопкова площадку для работы. Шли переговоры. Когда ему предложили театр Революции, он поставил два условия. Первое: он не будет работать с директором В. М. Млечиным, бывшим начальником Реперткома, и второе: название театр Революции слишком многообещающее, и его надо сменить. Так появился театр драмы, а затем театр им. Маяковского.

А. А. Фадеев, автор «Разгрома», давно знавший отца, предложил перейти к нему заместителем. Произошёл ещё один поворот в жизни отца, и он стал заместителем Генерального секретаря Союза писателей СССР. Сам А. А. Фадеев работал тогда над романом «Молодая гвардия», и ему нужен был опытный человек, способный его заменить на административном поприще. Отцу пришлось заниматься разнообразным хозяйством Союза писателей. Он принимал писателей, решал литературные и бытовые вопросы. В нашей квартире кроме пьес появилось множество литературных журналов, книг. Приходили и сами писатели.

Приходили, конечно, не только писатели, но и люди самых разных профессий. За прошедшие годы накопилось множество знакомств, и гости навещали старых друзей, чтобы побыть вместе или обсудить важные для них вопросы. Мои родители были коммуникабельными людьми, но особым гостеприимством отличалась мама. Она умудрялась в стесненных условиях небольшой нашей квартиры разместить несметное число гостей, накормить их и обстоятельно поговорить с ними. Иногда гости засиживались допоздна, спать было негде, и мама укладывала их на стульях, подложив какой-нибудь старый матрац. Утром, уходя на занятия, я с любопытством наблюдал, как вся комната была забита спящими людьми.

Но не только гостями жила семья. Время стояло трудное, нужно было добывать пищу, карточки еще действовали, но отоварить их было непросто, и мама носилась по магазинам, чтобы успеть сварить обед. За время войны мама сильно обносилась, старая одежда в семье пришла в упадок, и, видя это, я решил принять экстренные меры. Собрал воедино несколько своих стипендий и одолжив у друзей дополнительную сумму, я поехал в известный промтоварный магазин на Серпуховке и записался в очередь. После ряда ночных переключек я попал в магазин и привез домой несколько отрезков ткани на платье и пальто. Нужно вообще сказать, что родители меня сильно не опекали, и уже с 12–13 лет я был довольно свободен в своих действиях. Учился неплохо, иногда даже прилично, так что особых забот я им не доставлял. Однако всегда чувствовал поддержку родителей и помощь, особенно отца, в переломные моменты жизни.

Во второй половине 40-х годов отец принял решение освободиться от административных забот и заняться литературным трудом. Сказывался, конечно, возраст и дававшие о себе знать проблемы со здоровьем. Как член Союза писателей он продолжал оставаться консультантом, ездил по стране с лекциями, составлял для разных изданий литературные обзоры.

Однако невзгоды не покидали семью. Стала болеть мама. Лечилась в разных лечебных учреждениях, но однажды вместе с уколом ей занесли инфекцию гепатита. Подняли на ноги лучших врачей, но спасти маму не удалось. Она умерла, не дожив до 50 лет. Для меня это была вселенская трагедия. Некоторое время я находился в трансе, с трудом осознавая, что потерял лучшего друга и любимого человека.

Глава 3 Зеленоградская

Первые годы

Впервые я ступил на Зеленоградскую землю поздней осенью или ранней зимой 1936 г. Мы с отцом сошли с железнодорожной платформы с надписью «Зеленоградская» и двинулись вдоль насыпи в сторону от Москвы. Справа был сплошной лес, слева внизу рельсы, и мы искали, где же находится поворот. Поворотом оказалась просека. Свернув на неё, мы стали искать колышки, которые забивали землемеры и которые обозначали номера участков и их границы. Шёл мелкий снежок, он покрывал не успевшие потускнеть опавшие листья, небо было затянуто тучами, стояла холодная погода. Разглядеть в густом лесу малозаметные колышки, да ещё и при такой погоде, представлялось безнадежным делом. Постепенно темнело, а мы продолжали бродить по лесу в поисках каких-либо отметин. И вот наконец мы наткнулись на вылезший из-под снега столбик. Пройдя далее параллельно просеке, мы увидели колышек с номером 2, а затем и то, что мы искали, – рядом с раскидистой елью был вбит столбик с номером 3, определявший границу третьего участка будущего посёлка. Продолжая движение параллельно просеке, мы нашли дальнюю граничную точку, за которой намечался участок с номером четыре. Это была не просто местность, покрытая деревьями, а, можно сказать, непролазный дремучий лес. Конца-края этому лесу не было видно. Постояв немного в этом месте, мы не решились идти дальше. Я понял, что отец принял решение, в котором ранее сомневался. Уже было довольно темно, когда, перейдя полотно железной дороги, мы подошли к платформе.

Хочу отметить, что ещё до той первой, так запомнившейся мне поездки, отец внимательно вглядывался в полученную им синекопию кальки всего будущего посёлка, по-видимому, выполненной геодезической районной службой. В представленном плане посёлка были нанесены не только граничные линии участков, но и внутриселковые дороги, крупные лесные массивы и окаймляющие посёлок объекты: пойма реки Скамба, железнодорожная полоса отчуждения, ставшая впоследствии Вокзальной улицей, и линия границы с посёлком «Земледелие». Родители советовались между собой: какой участок выбрать. Сошлись на том, что желателен участок внутри посёлка, подальше от путей движения местных жителей на вокзал и с него. Такими участками были третий и четвёртый. Территория последнего превышала площадь третьего участка в полтора раза. Но, увидев на местности невообразимые просторы более дальнего участка, в котором предстоит прокладка коммуникаций и общее обустройство, отец дал согласие на участок под номером 3. Однако высказанные пожелания и предпочтения отдельных сотрудников стали тогда лишь предварительной ориентировкой состава будущего проекта и не более того. Учредителям нового поселения предстояла кропотливая работа по проведению довольно сложного цикла мероприятий. Для этого была создана инициативная группа, в которую вошли К. И. Алиев, Н. М. Новик и некоторые другие. Предстояло прежде всего разработать устав кооператива «Работники искусств», довести его до членов, желающих вступить в кооператив, и утвердить его. При этом документ должен был быть основан на примерном уставе, утверждённом властными структурами. Далее следовало собрать членов будущего кооператива и получить с них паевые взносы. На эти деньги заказывались проекты типовых дач, производилось заключение договоров с дачно-строительным трестом и оплачивались выполненные работы. Всего к лету 1937 г. таким образом было возведено 8 дач.

Но прежде чем рассказывать о первых поселенцах, о начальных шагах вновь созданного кооператива, о его руководителях, хочу поразмышлять о тех трудностях и ограничениях, возникавших в тот период перед людьми, выразившими желание вступить в кооператив.

Начну со сроков появления ДСК. Я не историк этой проблемы, но, насколько мне известно, первые ДСК появились в первой половине тридцатых годов прошлого столетия. В двадцатых годах даже более или менее обеспеченные люди или большие семьи, жившие в городах, могли рассчитывать в летний период лишь на аренду части дачи у хозяев, расположившихся в другой её части. Снять дачу, чтобы вывезти детей на свежий воздух, было одной из первых семейных забот весной или ранним летом. По всей видимости, эта проблема стала предметом рассмотрения на Политбюро ЦК. Памятуя о статьях Ленина о кооперативах, политбюро и И. В. Сталин приняли решение о создании для отдельных ведомств и общественных организаций возможностей формирования дачных кооперативов на основе самоокупаемости. Насколько я помню, отец говорил, что, по слухам, примерный устав ДСК, подготовленный помощниками, Сталин правил лично. Один из первых ДСК (если не первый) был организован под Москвой, в пос. Быково для сотрудников Совконтроля (ранее ведомство называлось Рабоче-крестьянская инспекция – Рабкрин, где первым руководителем был Сталин). Я короткое время летом жил в этом кооперативе и помню, что каждая дача состояла из двух одинаковых половин (для двух членов ДСК) и представляла каркасное сооружение, обитое тёсом с незначительным утеплением площадью порядка 30 м² (для одной семьи) с пристроенной остеклённой террасой.

Устав ДСК, выработанный в те годы, содержал целый ряд ограничений, которые оговаривались при вступлении в ДСК. Во-первых, жилая площадь не могла превышать 60 м². Это была норма по уставу. На самом деле дачи строились из расчёта не более 35–40 м², ибо в противном случае мог быть наложен запрет комиссией при районном архитекторе. Так, первые восемь дач в ДСК «Работники искусств» были срублены из брёвен стандартной длины 6,5 м, что давало по внутреннему обмеру площадь порядка 35 м². Во-вторых, в члены кооператива мог вступать лишь один член семьи. Если он выбывал из кооператива (по причине смерти, длительного отъезда, развода и т. д.), его место в ДСК мог занять только один член семьи. Это создавало определённые трудности для больших семей, включающих несколько наследников. В-третьих, член ДСК не имел права обладать другими дачами на правах личной собственности. Так как право частной собственности вообще исключалось, последнее ограничение умеряло аппетиты лиц, имеющих высокие доходы.

Главное, однако, было в двух других обстоятельствах. Первое заключалось в том, что возведенные дачи принадлежали кооперативу на правах кооперативной собственности. Это означало, что, согласно уставу ДСК того времени, дачи, в которых постоянно проживали члены ДСК и их семьи, не могли быть проданы или переданы как в целом, так и частями ни организациям, ни отдельным лицам. При этом члену кооператива, пожелавшему выйти из него, возвращался пай по балансовой стоимости. Второе обстоятельство состояло в том, что требовалось внести денежные средства в размере пая полностью до начала строительства. Это были весьма большие деньги, превышающие зарплату в десятки и более раз, что было непосильной ношей для многих семей. Мой отец, получавший партмаксимум, позволявший семье едва сводить концы с концами, вынужден был обращаться к друзьям и одалживать у них деньги, которые затем возвращались в течение ряда лет. Таково было положение к моменту создания ДСК «Работники искусств». Возвращаясь к сказанному выше, отмечу, что просека, вдоль которой мы шли зимой 1936 г., превратилась в улицу, через несколько лет названную улицей Станиславского. Другая внутренняя улица, на которой производилось строительство, получила впоследствии название улицы Волкова. Наконец, третья улица,

сформированная существенно позже, названа в честь известной оперной певицы улицей Неждановой.

Как я уже сказал, первоначально были построены восемь дач. Перечислю членов ДСК, поселившихся на этих дачах. В первой из этих дач (нынешний адрес: ул. Станиславского, д. 2) жил артист театра Сатиры Поль Павел Николаевич, во второй даче (ул. Станиславского д. 4) поселился Нивельсон, директор сада «Эрмитаж», в третьей даче (ул. Станиславского, д. 6) – мой отец Млечин Владимир Михайлович (о его должности пишу отдельно), в четвёртой даче (ул. Станиславского, д. 8) Зубцов Иван Сергеевич – ответственный сотрудник Управления искусств, в прошлом директор театра Революции, в пятой даче (ул. Волкова, д. 6) Новик Наум Моисеевич, бухгалтер ДСК, в шестой даче (ул. Волкова, д. 8) Алиев Константин Иванович, ответственный работник Управления искусств, в седьмой даче (ул. Волкова, д. 10) – Шагаев Геннадий Иванович – гл. режиссёр Детского театра (его жена Фурсова – известная актриса того же театра), наконец, восьмую дачу, по другой стороне ул. Волкова, занимала известная актриса театра Революции Бабанова Мария Ивановна.

Первым председателем правления ДСК стал Алиев Константин Иванович. Это был небольшого роста человек, уже тогда с проседью, припадающий на одну ногу и ходивший, опираясь на палку. Улыбчивый, благожелательный к собеседнику, в разговоре с ним чувствовалось, что он хорошо ориентируется в создавшейся обстановке. Другим членом правления был бухгалтер Н. М. Новик. Им обоим предстояло провести большую работу по формированию первичной документации – смет, общих видов дач, финансовой отчётности. Всё это надо было утвердить как на районном, так и московском уровне. Между тем кругом шумел лес, воздух был напоён сосновым ароматом, никаких заборов тогда ещё не было, знакомые люди ходили друг к другу в гости. Первый визит мы с отцом, как я помню, нанесли нашему соседу К. И. Алиеву. Кооператив вообще находился в низине и разливающаяся речка заливала весной и ранним летом некоторые участки. Когда мы подошли к даче К. И. Алиева, прямо перед домом стояла вода и мы шли по тёсовому настилу, проложенному членами его семьи. Семья была большая, и кроме хозяина, его супруги, двух дочерей Ии и Эллы в доме жила домработница и друг семьи Николай. К нам на дачу также приходили гости: П. Н. Поль с супругой, И. С. Зубцов, тогда холостой человек. Но особенно запомнились Г. И. Шагаев и его супруга – актриса с редким амплуа, игравшая в театре мальчиков-подростков. Они кроме кур держали утиное племя, и утка-мама с выводком утят гордо прошагивали через наш участок к речке на водопой.

Надо сказать, что список претендентов на вступление в ДСК был шире сформировавшегося к 1937 г. Но по разным обстоятельствам некоторые отказывались от исполнения своих желаний. У одних не набиралась требуемая сумма паевых взносов, у других менялась линия жизни. Наконец, третьи вынуждены были отказываться по веской причине: будущий член ДСК был репрессирован. Так, говорили, что один из участков был подготовлен к строительству для Н. А. Сац, но, как известно, она была репрессирована. Вся площадь, отведённая под будущий посёлок, насколько мне известно, равнялась примерно 13 га. Определённая часть этой площади по левой стороне ул. Волкова (считая от развилки с ул. Станиславского) предназначалась для строительства дома отдыха для коллектива театра Сатиры. Такое строительство вскоре было выполнено, по-видимому, на средства самого театра. Это был длинный каркасный дом, разделённый перегородками на отдельные номера. По всей длине была пристроена открытая терраса. Дом стоял перпендикулярно улице Волкова, так что отдыхающие могли прогуливаться на значительной территории по дорожкам, вдоль которых высаживались цветы. Насколько я помню, в доме отдыха побывали многие артисты из труппы театра того времени, включая Р. Корфа, Я. Рудина, Холодова, Токарскую, Зенина и др. Вместе с группой молодых дачников я несколько раз бывал в этом доме по приглашению сверстников – членов семей отдыхающих актёров. К сожалению, судьба некоторых артистов театра

Сатиры, побывавших в этом доме, оказалась трагической, а участь самого дома – незавидной. Так, актёры театра Сатиры Р. Корф и Я. Рудин в составе концертной бригады, обслуживающей подразделения Красной Армии в начале войны, напоролась на немецкий разъезд и были расстреляны, другие (Токарская) оказались в немецком плену. Сам дом отдыха во время войны не функционировал, а впоследствии был сожжён неизвестными лицами, опознание которых результата не дало. От возобновления строительства, насколько я знаю, администрация театра отказалась. Но мы не замыкались только в границах посёлка. Пройдя ещё небольшую часть дороги внутри ДСК «Земледелие», мы попадали в живописный край нетронутой цивилизацией настоящей среднерусской природы. Впереди колосилось ржаное поле, ширь необъятная, только вдалеке виднелась кромка леса. Чтобы обогнуть поле, вам необходимо было пройти значительный путь, который постепенно выводил вас к берегам речки Скалбы. Сама речка, во многих местах мелкая и узкая, с болотцами в пойме, здесь расширялась до размеров, достаточных для вполне пристойного купания. Тогда ещё, в тридцатых годах, плотины не было, но люди с удовольствием плескались в воде. Было несколько мостков и мостов через реку Скалба. Один из мостов, капитальный, построен был при прокладке Московско-Ярославской железной дороги, действовавшей с дореволюционных времён. Интересно, что один из моих соседей, весьма пожилой человек, Пётр Иванович Пастухов, постоянно проживавший в г. Туле, рассказывал мне, что он побывал в этих местах ещё до Первой мировой войны. Будучи новобранцем, он стоял в цепи солдат, растянувшихся на насыпи вдоль всего железнодорожного пути, охраняя проезжавшего в поезде царя. «Позади был дремучий лес», – добавлял Пётр Иванович. Другой мост был построен для проезда автомобильного транспорта с Ярославского шоссе до станции Зеленоградская. Первоначально мост был временным сооружением, и я помню времена, когда на этом мосту застревали даже малотоннажные грузовики. Для прохода жителей в нескольких местах, где речка сужалась, были построены мостики. За речкой и посёлком, имевшим экзотическое название Горелая роща, относительно широкой полосой вдоль Ярославского шоссе стоял лес, куда все местные жители ходили за грибами. Осенью за полдня можно было набрать добротную корзину грибов: белых, подосиновиков и др. Особо ретивые грибники удалялись в лесу вплоть до Софрино, несмотря на болота, которые приходилось преодолевать.

Для любителей пеших маршрутов, для туристических компаний широкий простор открывался по другую сторону железнодорожного полотна. Там тогда стоял одинокий дом под названием «Дом отдыха Турист», за которым шли леса и поля. Путь был долгим, но в конце концов вы выходили к берегам образованного водохранилища вблизи посёлка Тишково и получившего впоследствии название Тишковского водохранилища. Там можно было купаться, стояла лодочная станция, и даже были пришвартованы похожие на яхты судна.

Дачное строительство в ранний период

По положению о кооперативе первые 8 дач возводились дачным трестом. Проекты были составлены таким образом, чтобы сильно не удорожать строительство. Вроде бы разумный подход привел, однако, к целому ряду проблем, которые дачники ощутили в основном уже после окончания работ. Дачи ставились на полянах, более или менее свободных от лесного массива, и притом поздней зимой, когда глубокая снежная пелена еще покрывала весь участок. Пробриться к дачам приехавшим было тогда весьма трудно. Мы с отцом подошли к участку ранней весной: сруб уже стоял под крышей. В результате к лету отец подготовил для приемной комиссии список недоделок, однако исправить что-либо было уже невозможно. Завезенный стройматериал был такой, что требовалось при рубке тщательная подгонка бревен и заполнение пустот паклей. Строили же на свободный манер, не очень заботясь о теплоизоляции. Ставили сруб на кирпичные столбы очень низко к земле, вследствие чего нижние венцы и лаги в условиях влажного залесенного участка быстро гнили и выходили из строя. В целях экономии покрыли сруб по обрешетке напиленной древесной щепой, что давало частые протечки. Печь дымила, но не грела. Все эти огрехи выявлялись постепенно, но устранялись, конечно, собственными силами. Однако в целом семья была далека от строительных волнений.

Воздух был напоен лесным ароматом, заборов не было: ходи и бегай куда хочешь, прячься, строили шалаши, быстро обнаружили созревшую землянику, вдали зеленели черничные кусты, в зарослях ближе к осени стали вылезать грибы. В жаркие дни шли купаться к реке Скамба, в широкую ее часть, и хотя берега не очень к этому располагали, все же можно было понырять и поплавать.

Но надо было обустраиваться. Прежде всего вымели разбросанный повсюду строительный мусор, переложили печь, т. к. чувствовалась сырость и надо было подтапливать. Обзавелись простейшей мебелью: на Сретенке в те годы работал мебельный магазин, купили, как помню, кровать и диван, соседка подарила комод. Было лето, бытовых холодильников не существовало. Для сохранения продуктов решили вырыть яму как эрзац погреба. Сделали это в сарае под крышей, но без пола на небольшую глубину. Перекапывали несколько раз, тем не менее постепенно углубление заполнялось водой, и с тех пор я твердо усвоил, что погреб должен доходить до первого уровня грунтовых вод (1,5–2 м). Следовало обухаживать и участок. Надо было проложить дорожки, сформировать какие-никакие грядки, украсить места цветами. Но лесная природа не желала никаких изменений. Упавший сухостой мы, конечно, распиливали и убирали, но отдельные деревья стояли вплотную к дому, затеняя строение и создавая влажную микрофлору. Даже окна порой было трудно открывать для проветривания. Сносить деревья уже в те времена было категорически запрещено законом. Правление писало письма, но ответа не было. Председатель несколько раз ездил в район, пробивался к начальству. Наконец была образована комиссия. По дачам прошла группа лесничих, осмотрела все и удалилась. Потом сообщили, что придут лесничие и будут выборочно по своим инструкциям клеймить деревья для последующего сноса. Лес был смешанным, но метили в основном осину. Клеймили специальным молотком и заносили в журнал. Читатель может удивиться: как это сносить деревья? Но стоял вопрос: либо закрыть поселок ввиду неизбежного гниения и уничтожения возведенных строений, либо разрешить прореживание, выборочный снос отдельных деревьев с заменой их на ценные садовые породы, что и было сделано.

Вообще, валка деревьев в лесу ручным способом производилась двуручной пилой путем подпилов с разных сторон дерева на сдвинутых по высоте уровнях. Но это в лесу, где нет поблизости жилых строений, людей и коммуникаций. В нашем случае такой под-

ход был исключен. Во-первых, должно было быть гарантированным направление падения дерева строго в сторону от дома и электросетей, во-вторых, надо было обеспечить вместе со сносом дерева и удаление большей части его корневой системы, что на бытовом языке означало отсутствие пня, который затем приходилось бы корчевать. Отец придумал специальную технологию. Я тщательно со всех сторон раскапывал корень меченого дерева, освобождая корень от земли. И так все корни, один за другим. Затем отец острым топором перерубал корни, начиная с направления, противоположного падению. Иногда, правда, приходилось применять усилия, в том числе с помощью подпорок, но дерево падало туда, куда намечалось.

В связи со сказанным вспоминаю забавный эпизод, произошедший в те времена. Родители вдруг вспомнили, что грядет юбилей их бракосочетания. Пригласили гостей. Приехали Н. П. Смирнов-Сокольский с женой Софьей Близикинской, актрисой театра Сатиры, главный дирижер оркестра кинематографии Д. С. Блок и несколько эстрадных артистов, фамилии которых уже сейчас не помню. Сначала Николай Павлович читал свои фельетоны, подготовленные им для публики. Советовался с отцом по острым моментам, содержащимся в написанном. Затем перешли на общий разговор. На террасе сели за стол, провозгласили здравницы, выпили, поели. Когда все расслабились, Н. П. обратил внимание на стоявший в углу топор. Кто-то из домочадцев его там оставил. Н. П. поднялся, взял в руки топор, спустился с крыльца и подошел к стоящему рядом с террасой дереву. «Оно здесь мешает», – сказал Н. П. Снял пиджак, засучил рукава рубашки и сделал несколько взмахов. Все хохотали. Понимая пикантность ситуации и опасаясь последствий, отец, смеясь, подошел к Н. П., остановил движение его рук и мягко перехватил топориче, после чего топор был убран. Н. П. было тогда немногим более 40 лет, а его исполнительское мастерство, репутация книжника и библиофила удивительным образом сочетались в нем с тем, что можно было бы назвать молодецкой удалью.

Теперь я хочу остановиться на некоторых бытовых проблемах, возникающих при обустройстве новых посёлков. Прежде всего вопрос о транспорте. Ходили электрички, расписание выдерживалось, платформы стояли на деревянных столбах с тёсовым покрытием, которое из-за износа приходилось часто ремонтировать. Составы были короткими, длина платформ вдвое меньше. Я застал время, когда на пассажирской линии ещё ходили паровозы, один из маршрутов шёл до ст. «Правда» без остановок.

Питьевая вода была необходимым элементом быта. Колодцы были предусмотрены сметой. Они были вырыты с использованием деревянных срубов, но некоторые из них, в том числе наш, сильно отдавали болотным вкусом и были признаны пригодными только для бытовых нужд. Помню, что пацаном таскал стандартные вёдра воды (12 л) без коромысла издалека, с так называемой «красной» дачи. Вместе с тем наличие воды в нашем колодце для полива помогло родителям развести неплохой огород, сад и цветник. Выращивали овощи, приличную клубнику. Посадили яблоневые и грушевые деревья, кустарник.

Вопрос о безопасности. Будучи школьником, я возвращался осенью со второй смены в сравнительно пустом вагоне электрички, шёл тёмным вечером по лесной дорожке без освещения, но я не припомню каких-либо трудностей в этом деле. Впоследствии, уже взрослым человеком, я приезжал в Зеленоградскую с работы ночами, под утро, но не испытывал каких-либо инцидентов. Правда, в конце войны и сразу после войны в лесу иногда постреливали, но ведь некоторые солдаты возвращались с войны с оружием. Но вот случай в мирный период, период расцвета ельцинского капитализма. Моя покойная жена шла из магазина в середине дня лесной тропкой. Внезапно из-за кустов появился человек с порезами на лице и синяком под глазом. Он схватил сумку и стал тянуть. Моя жена была не из тех, которые теряются перед такими типами. «Чего тебе?» – спросила она. «Выкладывай деньги». Жена открыла сумку, вынула кошелек и отдала нападавшему. Он открыл его и увидел на дне

кошелька 2 рубля. Мужик отдал жене обратно кошелёк и сказал: «Извините, милая, я думал, что вы – новая русская».

Второе пришествие

Слухи о создании нового подмосковного посёлка быстро распространились среди деятелей культуры. Приехав на место и увидев красоты природы, некоторые из них, обладавшие денежными средствами или другими возможностями, подавали заявления о вступлении в ДСК.

Одним из первых, кто начал строительство в 1938–1939 гг. был Дмитрий Лазаревич Кара-Дмитриев. Актёр театра Сатиры, он в отличие от других драматических актёров, имевших слух и даже способных что-то напевать, обладал ярко выраженным музыкальным дарованием, играл на нескольких музыкальных инструментах, в том числе на трубе. Выступал с успешными концертами, выезжал на гастроли. В те годы это был жгучий брюнет, невысокого роста коренастый человек. Он учёл некоторые недостатки прежних типовых проектов дач, расширил кухню и, оставаясь примерно в тех же габаритах, пристроил не очень большую, но прекрасно отделанную террасу. Участок он выбрал на периферии посёлка, по левой стороне ул. Станиславского, вблизи знаменитой «красной» дачи. У него была дочь, Елена Дмитриевна, красивая девушка, тогда ей было 18 лет. Д. Л. постоянно проживал летом на даче вместе с женой, автомашины у него не было, и я помню, как, уже будучи пожилым, он таскал со станции сумки с продуктами и, перевязав их, перебрасывал через плечо.

Елена Дмитриевна окончила театральное училище им. Щукина и осталась там преподавать. Имела дочь. После смерти родителей Е. Д. проживала на даче вместе с новым мужем, известным эстрадным актёром Николаем Рыкуниным. Новый хозяин решил построить сарай, которого не было, и расширить террасу. Мешали рядом стоящие деревья. Он нанял рабочих, которые снесли деревья. Это категорически запрещалось. Кто-то сообщил в Поссовет, куда его вызвали. Последовала тяжба с различного рода угрозами. В результате многомесячного конфликта народный артист Н. Н. Рыкунин отделался внушительным штрафом. Когда волна спала, он произвёл перестройку террасы. Очередная инспекция БТИ Пушкинского района, проходившая по целому ряду дач, обнаружила нарушение в виде незаконного строительства и заштриховала террасу. Штрихованные объекты по правилам должны были быть снесены. С этим Е. Д. с супругом пришли ко мне. Я давно был знаком с Е. Д. и, посоветовав ей и её мужу, предложил срочно выполнить проект перестроенной террасы. С планом я поехал в Пушкино и, ссылаясь на статус владельцев и большую семью (у Е. Д. были внуки), уговорил снять штриховку.

Невдалеке от Кара-Дмитриева в те же годы начал строительство Владимир Васильевич Андреяшин, один из руководителей постановочной части Большого театра. Это был потомственный рабочий, его отец был опытным плотником с большим стажем работы. Поэтому в отличие от большинства членов ДСК В. В. самостоятельно тесал брёвна и ставил сруб. Я не помню, но, возможно, кто-то ему помогал (может быть, его отец). Во всяком случае, делал он это профессионально, с большим знанием дела, из отборного материала. Поставил двухэтажный дом, несколько превышающий по габаритам дачи-первенцы. Тем не менее уставные нормы он не превысил и особых проблем с оформлением документации на выстроенную дачу у него тогда вроде бы не было. Когда он строил, а это было до войны, В. В. был холостым человеком. Он женился во время войны на медсестре Клавдии Константиновне Камзоловой. Она была рассудительным человеком, любознательным по природе, быстро освоилась с положением дел в ДСК и часто сообщала о подробностях, о которых многие окружающие просто не ведали. У Клавдии Константиновны была дочь от первого брака Людмила. В. В. был деятельным человеком, принимал участие в работе правления ДСК. К нему обращались многие за советом как к специалисту-строителю и опытному человеку. Когда Людмила вышла замуж за журналиста Бориса Ивановича Чехонина и у неё появились

дети, встал вопрос о расширении жилой площади. Ставить второй дом по уставу категорически запрещалось. Решили построить кухню. Как она мне рассказывала, материал (довольно добротный) она приобрела в Москве при разборке старой гостиницы. Кухню выстроили, но в тех условиях она не была легализована. Между тем сам Б. И. Чехонин был известным и довольно плодотворным журналистом, работал в газете «Известия» и даже стал руководителем пресс-бюро в нескольких азиатских странах. В конце жизни ветеран дачного строительства В. В. Андреяшин тяжело болел, а его супруга пережила мужа и достигла (без нескольких лет) столетнего рубежа.

Владимир Сергеевич Володин являлся в то время, если не ошибаюсь, актёром театра Оперетты. Это была известная личность. Он запомнился всем по песенке, которая тогда была популярной и которую он исполнил в комедии Г. В. Александрова «Волга-Волга». «А без воды мы не туды и не сюды». Позже в спортивном кинофильме всем запомнились слова спетой им песни: «При каждой неудаче уметь давайте сдачи, иначе вам удачи не видать». В. С. Володин стал членом ДСК «Работники искусств» и осуществил строительство дачи на лесном участке, примыкающем к участку члена ДСК И. С. Зубцова (ул. Станиславского, 10). Он редко появлялся на даче, потом стал болеть и передал свой пай дочери, которая была замужем за фото – и кинооператором Б. Макасеевым. В пятидесятые или шестидесятые годы этой дачей стал пользоваться известный художник Суворов, после смерти которого наследницей стала его супруга. Жила она на даче до поздней осени в одиночестве, детей и родственников не было. Я знал чету Суворовых, после смерти художника иногда навещал весьма пожилую женщину, подбадривал её, но видно было, что она страдает и тяготится жизнью. Позже она передала свои права на дачу проф. М. Марову.

Впервые я увидел Георга Иосифовича Гояна (Тер-Никогосяна) в 1938 или 1939 г. Он пришёл к моему отцу на дачу поговорить о проблемах национальных театров, сообщить о том, что он работает в этой сфере и приехал из Армении в аспирантуру или докторантуру (сейчас не помню) в ГИТИС, а заодно обсудить перспективы его вступления в ДСК «Работники искусств». Это был грузный мужчина средних лет с крупным лицом и явно выраженной лысиной, прихрамывающий на одну ногу. В ДСК он вступил, зарезервировал участок (ул. Станиславского, 5), поросший молодым осинником, где все дачники собирали грибы (главным образом подосиновики), но до войны строительства не начинал. Проблема была со строительным материалом. Узнав, что в соседней области можно его приобрести, он на нескольких автомашинах вывез кругляк и складирует его на участке. По слухам, во время войны он познакомился в местном госпитале с женщиной, врачом госпиталя, и женился на ней. По-видимому, в этом же госпитале он нанял солдат, вылечившихся после ранения и имевших профессию плотника, и они возвели ему двухэтажный сруб. Говорю «по-видимому» потому, что, по словам жившего в то время в посёлке бывшего коменданта Шишова, к 1943–1944 гг. дача Г. И. Гояна уже стояла. Г. И. был работоспособным человеком и рачительным хозяином на дачном участке. Он написал капитальный труд «История армянского театра», стал заведующим кафедрой национальных театров в ГИТИСе. Г. И. выстроил и произвёл внутреннюю отделку дачи по своему проекту, проложил дорожки и посадил цветы и фруктовые деревья, поставил сарай для хозяйственных нужд. Ему вырыли глубокий колодец с хорошей водой, которой одно время пользовались и соседи дачники. Когда в пятидесятых годах стали продавать отечественную автотехнику, он купил себе «Москвич», построил гараж на участке. Более того, он произвёл на свои средства капитальный ремонт участка дороги по ул. Станиславского до развилки с ул. Неждановой, что служило благом и для других дачников. Длительное время он был членом правления ДСК, а в течение короткого периода (конец шестидесятых годов) был председателем правления. Вместе с тем надо признать, что отношение членов ДСК к Г. И. было неоднозначным. Некоторые полагали, что его действия порой были на грани предела допустимого или, как теперь говорят, на грани фола.

Несмотря на это, у меня были с Г. И. нормальные отношения. Я считал его вклад и труды в проблематику и историю национальных театров превосходящими существовавшие у него недостатки.

Не знаю, по какой причине, но семья Нивельсона прожила на даче всего один год. Весной 1938 г. там появились новые жильцы. Это был Владимир Яковлевич Хенкин и его супруга. Забора между участками тогда ещё не было, погода была прекрасная, и я хорошо помню, как улыбающийся Владимир Яковлевич в трусах, без рубашки, с довольно округлыми формами в области живота и явно выраженной лысиной на голове приветствовал моего отца, тоже не страдавшего тогда худобой. В. Я. хорошо знал отца не только по театру Сатиры, где он работал, но и по тому, что незадолго до появления В. Я. в Зеленоградской отец опубликовал в «Известиях» статью о творчестве В. Я. Хенкина. Как я понимаю, В. Я. был актёром с большой буквы. Он был не только известным драматическим актёром с характерной индивидуальностью, но и популярным концертным исполнителем. На его концерты публика ломилась, он читал произведения Зощенко, Аверченко, рассказы Чехова с таким мастерством, что в зале был слышен непрерывный хохот. Когда он появлялся на сцене, в рядах уже смеялись. «Я же ещё ничего не сказал, а вы смеётесь», – говорил он, после чего следовали аплодисменты и новый взрыв смеха, вызванные как манерой говорить, так и самой фигурой актёра. В. Я. сыграл в театре много ролей. Одной из более поздних его ролей был персонаж лифтера-заики Акима. В борьбе с заиканием тому посоветовали петь. Роль напевающего Заики была блестяще исполнена В. Я.

В. Я. произвёл перестройку дачи, сделал её более удобной для проживания, отделал второй этаж с лестницей в задней части дачи. Поставил рубленую сторожку для охраны в зимнее время года. В. Я. был неисправимым грибником. В свободное от работы время он брал корзину, направлялся в лес, бродил там часами, возвращался с полной корзиной, демонстрируя соседям наиболее зрелищные экземпляры. В. Я. много работал, участвовал в концертной деятельности и, естественно, зарабатывал приличные деньги. В конце сороковых годов прошла очередная идеологическая кампания под предлогом борьбы с концертным «рвачеством». В неё среди других попали наиболее популярные исполнители В. Я. Хенкин и оперный певец И. Козловский. По этому поводу появился ряд публикаций в прессе. Козловский был уникальным певцом и, как мне казалось, на эти выпады особого внимания не обращал. В. Я. Хенкин же переживал, считая их несправедливыми. Помню разговор с В. Я. в электричке, когда он эмоционально вопрошал: «Я – колхозник, почему я не имею права после работы честным трудом зарабатывать деньги?» После смерти В. Я. в 1953 г. его супруга передала права на дачу семье доктора биологических наук В. Красильникова.

Правление ДСК «Работники искусств»

Правление ДСК являлось органом управления кооператива в период между общими собраниями членов ДСК и решало важнейшие вопросы жизни кооператива. Правление ДСК избиралось на два года. Я уже упоминал, что первым председателем правления был К. И. Алиев. Затем следовало несколько составов правления как в довоенные годы, так и во время войны и после неё. Назову лишь тех председателей правления, которые запомнились и которых хорошо знал. Длительное время в послевоенные годы председателем правления был наш сосед И. С. Зубцов. Затем его сменил полковник в отставке, бывший сотрудник Управления кадров Минобороны Иван Яковлевич Румянцев. Запомнился бывший директор завода Зиновий Моисеевич Лазарь. В 1971 г. председателем правления ДСК был избран Георгий Максимович Белогуров, полковник пограничных войск, активный участник войны, работавший тогда в системе погрануправления. Чем конкретно приходилось заниматься правлению ДСК? Согласно уставу, прежде всего приёмом и исключением членов ДСК, распределением дачных помещений, управлением дачным хозяйством, отчётами о хозяйственной деятельности и, что греха таить, разрешением конфликтных ситуаций. Я проработал на общественных началах в правлении ДСК, начиная с 1973 г., 16 лет, из них 13 лет был председателем строительной комиссии. Моими партнёрами по правлению были доктор экономических наук Викентий Николаевич Сергиевский, архитектор Леонид Александрович Муромцев, химик Марина Сергеевна Ульянова, инженер Виталий Борисович Куров. Бухгалтером кооператива работала Евгения Ивановна Горбунова.

Хочу рассказать о некоторых общественно значимых делах, которыми занималось правление ДСК и участником или свидетелем которых мне привелось быть. Чем руководствовалось правление при решении тех или иных вопросов? Прежде всего законом. Это и гражданский кодекс и, конечно, устав ДСК. Принимались во внимание запросы и нужды людей. Безусловно, старались работать по справедливости. Но иногда вносились предложения, которые казались их инициаторам легко реализуемыми, но которые при внимательном рассмотрении противоречили нормам закона или интересам кооперативного сообщества. Я осознаю, что, повествуя о давно прошедших делах, можно вольно или невольно скатиться на предвзятый тон изложения. Так вот, заявляю, что я не хочу никого не обвинять, не оправдывать, а веду свой рассказ только для того, чтобы показать, какие непростые задачи приходилось решать правлению ДСК.

Первое дело было связано со сгоревшим домом отдыха театра Сатиры. На следующий день после случившегося правление ДСК информировало милицию, был, наверное, составлен протокол, но регулярные наезды коменданта ДСК в Правдинский о/м результата не давало.

У меня нет сведений о ходе расследования по данному случаю, но, имея солидный опыт общения с этим о/м, могу предположить, что сначала (полгода-год) ответом служило стандартное: новых данных нет, а затем заявление кого-то из начальников: «Что вы так волнуетесь из-за сгоревшего сарая (т. е. здания д/о), таких сараев у нас по району знаете сколько горит?» Я это к тому, что поджигателей не нашли, но следует иметь в виду, что доказать причастность к пожару каких-либо бомжей или мигрирующих эзков было бы чрезвычайно трудно.

О судьбе сгоревшего д/о сообщили в дирекцию театра Сатиры. Прежнее здание д/о строили при директоре А. Я. Никитине. Новые руководители театра вынуждены были отвечать на внезапно возникшие вопросы: нужен ли вообще этот д/о театру и коллективу? Как отнесётся к этому управление культуры и первый секретарь горкома? Ответа от театра долго не было, а необходимо было иметь официальное мнение от театра как важнейшего коопе-

ративного собственника земельного участка. Наконец во второй половине шестидесятых годов стало известно, что театр Сатиры отказывается от нового строительства и дальнейшей эксплуатации земельного участка. Сложилась беспрецедентная ситуация: с одной стороны, бывший участок театра Сатиры входил в генеральный план ДСК, с другой стороны, театр Сатиры был государственным учреждением, подчинённым по крайней мере городским властям. Наконец, с третьей стороны, земельными угодьями в Московской области распоряжался Мособлисполком. Этим всем я хочу сказать, что освобождающийся участок не был в прямой компетенции ДСК, и поэтому правление не могло свободно использовать его для распределения среди нуждающихся членов ДСК. Вместе с тем власти отдавали себе отчёт в том, что голосовать за приём или отказ в приёме будут члены ДСК и предсказать исход голосования довольно трудно. При таком раскладе дела власти действовали по известной русской поговорке: чтобы были сыты волки, но и овцы целы. Была предложена кандидатура Георгия Леонидовича Котова. Г. Л. Котов был многим известен, он являлся в те годы начальником Управления внешних связей Государственного комитета по науке и технике. Через это управление, а значит, и с согласия Г. Л., получали разрешение на выезд за границу не только деятели науки, но и представители сферы искусства и культуры вообще. Выяснилось, что кандидатуру Г. Л. поддерживают на разных ступенях власти, включая районное звено. Сведения о предложенной кандидатуре быстро распространялись по ДСК. Началось низовое обсуждение. Вспомнили, что ещё несколько лет назад предлагалось отдать участки на бывшей территории д/о активным участникам войны, офицерам Министерства обороны. Но тогда некоторые члены ДСК, включая Г. И. Гояна, возражали, утверждая, что участки должны распределяться среди деятелей искусств или передаваться нуждающимся членам ДСК. Узнав о предложенной кандидатуре, некоторые члены ДСК восприняли свершившееся как руководство к действию. Они собирали все необходимые для этого документы, но им была необходима поддержка правления ДСК. В этой ситуации правлению нужно было сохранить нейтральный статус, и председатель правления санкции не давал. Заручившись поддержкой председателя ревизионной комиссии, член ДСК Г. И. Миценко поехала в Мособлисполком и, предъявив на приёме свои документы, включая планы дома и участка, где проживала, доказала, что, проживая на четвертушке дачного строения с полоской участка (полученные после развода родителей), имеет право на улучшение жилищных условий. Мособлисполком принял её доводы во внимание. Так сложился дуэт: Г. Л. Котова и Г. И. Миценко. Но было ещё одно обстоятельство, тормозившее принятие решения по выдвинутым кандидатурам. В эти годы районное БТИ стало работать активнее, и оно предъявило кооперативу целый ряд претензий, связанных с перестройками отдельных дач и возведением незаконных с их точки зрения строений. Всё это легло в мою папку, и я стал усиленно собирать материалы, чтобы предупредить довольно опасные санкции против ДСК. Я регулярно ездил в Пушкинское управление архитектуры и сумел доказать, что примерно у десятка членов ДСК отступлений от утверждённого проекта не было. Однако сохранялись разногласия ещё по значительному числу строений членов ДСК, и необходимо было принимать меры по снятию штриховок. Я в контактах с сотрудниками, ведущими в Пушкине наше дело, сохранял ровные, нормальные и, я бы сказал, добрые дружеские отношения. Но вот незадолго до описываемых мной событий председатель правления Г. М. Белогуров сказал мне: «Что-то они тянут с нашими делами. Пожалуй, я поеду с тобой, чтобы ускорить». Я знал Г. М. как ветерана, как человека, принявшего бой с немцами на пограничной заставе 22 июня 1941 г. и отступавшего затем вместе с нашими войсками, прошедшего всю войну, человека рассудительного и хладнокровного. Он надел свою чекистскую форму, повесил регалии, и мы поехали.

Сначала разговор в Пушкино шёл в умеренных тонах, но общего языка находить не удавалось, это возбуждало Г. М., и он начал повышать голос, закончив обвинениями в необъективности и бюрократизме. Он вошёл в раж, покраснел, и я его долго потом успокаивал.

Перед рассмотрением поступившего заявления о вступлении в члены ДСК и началом всей процедуры распределения участков мы в правлении поняли, что это благоприятный момент для погашения если не всех, то большинства штриховок. Когда Г. М. Белогурова вызвали в Пушкино, и председатель горисполкома давал указания по Г. Л. Котову, был затронут вопрос о штриховках. «Вы там понастроили, мы разберёмся, постараемся решить в положительном ключе». Это обещание начальства было затем в определённой степени исполнено.

Помню первое появление Г. Л. Котова на правлении, которое происходило на квартире Е. И. Горбуновой около гостиницы «Украина». Г. Л. снял в прихожей обувь и сидел на правлении в носках. Ходили слухи, что жена Г. Л. являлась дочерью М. Яснова, председателя СМ РСФСР; для правления этот факт (истинный или ложный) значения не имел. Документы были в полном порядке, ответы на вопросы были краткими, но ясными. Манера поведения скромная и достойная. Г. Л. был принят на правлении в члены ДСК. Довольно быстро был разработан и утверждён проект дачи Г. Л. Котова, строение было возведено, и мы с В. Н. Сергиевским с рулеткой в руках замерили площади построенного дома, но особых отклонений от проекта не нашли. Внешний участок освободившейся территории был предоставлен для строительства Г. И. Миценко. Оставалось ещё два участка. Как попал Е. Р. Симонов в список претендентов? Точно этого тогда никто из нас не знал. Но были предположения. Одно из них сводилось к следующему. Как известно, в 1968 г. умер выдающийся советский режиссёр и актёр, главный режиссёр театра им. Вахтангова Рубен Николаевич Симонов. Его сын Евгений Рубенович Симонов работал режиссёром в театре им. Вахтангова и Малом театре и в 1968 г., после смерти отца, был назначен гл. режиссёром театра им. Вахтангова. Е. Р. и при жизни отца, и после его смерти поставил целый ряд спектаклей, в т. ч. известную «Филумену Мартурано» Де Филиппо, где играл его отец. Популярность театра им. Вахтангова была всегда высокой. По-видимому, на одном из спектаклей побывал кто-то из членов Президиума ЦК КПСС (возможно, Л. И. Брежнев), и на стандартный вопрос «есть ли просьбы?» Е. Р. ответил: «Дачный участок в ближнем Подмосковье», что было, конечно, обусловлено сложившимися тогда у него семейными обстоятельствами. Просьба была занесена в реестр, и с ним были ознакомлены в аппарате ЦК КПСС. Там, наверное, были свои очередники. Вот почему вместе с известным именем Е. Р. Симонова в списке претендентов на два освободившихся участка в ДСК «Работники искусств» появилось имя помощника Генсека, остепенённого сотрудника аппарата ЦК Кузмина. Е. Р. (впрочем, как и Кузмин) побывал на территории и пришёл в правление ДСК. Он высказал свои предпочтения, но ему ответили, что в данном случае правление не определяет приоритеты и ему надо договариваться там, наверху. Спросил он и о процедуре вступления. Я ему сказал, что он может не сомневаться, что его примут в ДСК. Вопрос в другом, добавил я, что вы построите и как это утвердить. Обоих приняли в члены ДСК. Спустя какое-то время Е. Р. показал мне где-то добытые им планы, но затем привёз стандартный маленький домик и поселил в нём актрису Рязанову. Она жила в нём, по-моему, и зимой, была коммуникабельным и весёлым человеком, но вскоре заболела раком и умерла. Избушка стояла сначала пустой, а затем её снесли. Е. Р. нанял архитектора, который создал ему проект кирпичной дачи, больше похожей на дворец. Рабочие на основе этого проекта заложили фундамент и начали вести кладку. Приехавшие сотрудники районного БТИ, посмотрев на всё это, сказали, что они не примут такой дворец ни на каких условиях. Рабочие ушли, стройку заморозили, и помню, как мы с В. Б. Куровым лазали по кладке, вымеряя внутренние размеры этого недостроя.

Я несколько раз встречался с Е. Р., стараясь доказать, что не нужен ему такой дворец и следует умерить аппетиты. Я ему говорил, что его высокие качества известного режиссёра, драматурга и просто талантливого человека входят в противоречие с любыми проявлениями гигантомании или излишнего потребительства. В ответ он ругал не меня, а тех,

кто, по его мнению, мешает ему работать и жить. В состоянии недостроя кладка просто-яла довольно длительное время, затем проект был переделан, и строительство завершено. К этому моменту Е. Р., по-видимому, потерял интерес к дачной проблеме, редко появлялся, а затем передал строение и участок дочери. Насколько мне известно, в новых экономических условиях, после смерти Е. Р. она продала дачу.

Второе дело было связано с распределением земельного участка Г. И. Гояна. В начале 70-х годов Г. И. был вполне работоспособным человеком, интересовался работой правления, и мы, встречаясь, обсуждали с ним эти и другие проблемы. Затем он заболел, болезнь прогрессировала, возраст усугублял положение и, как мне рассказывала соседка, имевшая связи в ГИТИСе, где работал Г. И., ректорат предложил ему освободить должность завкафедрой, на что Г. И. угрожал обращениями вверх вплоть до Генсека. В 1980 г. Г. И. Гояна не стало, квартира и дача перешли по наследству его жене. Она долго на даче не появлялась, и когда я её увидел, обратился к ней с просьбой поискать в архивах мужа старый генплан посёлка с геоподосновой, образца 1936–1937 гг., что тогда нам было крайне необходимо. Через некоторое время она сообщила, что ничего не нашла, в разговоре посетовала на плохое самочувствие. Передо мной стояла пожилая женщина, страдавшая от одиночества. В 1985 г. мы узнали, что она умерла. По просочившимся слухам, квартиру вскрыли, богатую библиотеку Г. И. вывезли и распродали, а имущество расхитили. Сразу же на даче появился крепкий молодой человек, а с ним женщина с малолетним ребёнком. У них, очевидно, были ключи от дома, где они спали. Вначале никаких подозрений это не вызвало. Некоторые же сдавали помещения дачникам. Еду не готовили, а привозили из ресторана на автомашине. Из разговоров с новым жильцом стало очевидным, что он хорошо знал супругу Г. И. Гояна. Потом он стал представляться её родственником, племянником. Документы, затребованные у него правлением, ни о чём не говорили, ибо племянник мог иметь любую фамилию. Так новые жильцы прожили несколько месяцев. Ближе к зиме они исчезли, а через некоторое время, когда в посёлке уже почти никого не было, неизвестные люди сожгли дачу Г. И. Гояна. Подозрение сразу же пало на уехавшего жильца, но доказать что-то никому не удалось.

К этому времени у нас появился новый председатель правления ДСК. Им стала художница Елена Александровна Симонова. Она попыталась расширить состав членов ДСК за счёт привлечения новых деятелей искусства и культуры. Пользуясь её приглашением, к нам приехала Алла Борисовна Пугачёва. Её сопровождал эскорт мужчин во главе с директором труппы и поэтом Ильёй Резником. Они походили по посёлку, посмотрели участки, место им понравилось. Собрались для обсуждения в правлении. Помню, что задал ей вопрос: предположим, что вы построитесь, заселитесь, всё будет у вас хорошо, но вы в фаворе и как мы будем спасаться от толп ваших поклонников и фанатов? Недолго думая, она ответила: «Давайте построим забор вокруг посёлка». Какой забор, подумал я и, вспомнив борьбу Масленниковой, жены С. Лемешева, с лемешихами, вопросов больше не задавал. Правление ДСК со своей стороны снабдило заявление А. Пугачёвой всей необходимой положительной документацией, но должен, к сожалению, сказать, что, несмотря на выдающийся талант, проявленный А. Б. именно в те годы, власти отказали ей в приёме в ДСК: зам. председателя СМ РСФСР (фамилии не помню) наложил вето на её заявление.

Другим претендентом была директор музея на Волхонке И. А. Антонова. Она приехала к нам, всё ей вроде бы понравилось, но, как я понял, сложные семейные обстоятельства не позволили ей принять положительное решение. Были и свои кандидаты на освободившийся участок бывшей дачи Г. И. Гояна. Среди них на первом плане были члены семьи Никитиных. История эта тянется к довоенному времени, когда строился дом отдыха театра Сатиры. Бывший тогда директором театра Сатиры Алексей Яковлевич Никитин сообщил руководству кооператива о своей многочисленной семье, состоящей из родителей, нескольких братьев и сестёр, жены и детей. Учитывая положение А. Я. Никитина, тогдашнее правление

ДСК выделило периферийный участок вблизи поймы р. Скамба на строительство дачи для его семьи. Строительство осуществлял отец семейства Я. Никитин. Сам А. Я. относился к строительству, я бы сказал, с прохладцей. Он мне неоднократно говорил, а я знал его давно, примерно следующее: мне эта собственность не нужна (говорил он грубее), с собой я её не утащу. Но время шло, семьи детей разрастались, и на узком плацдарме дачных помещений возникали разногласия. После смерти отца семейства, когда были приняты в члены ДСК его наследники, градус разногласий порой повышался до такого уровня, что правление вынуждено было думать о принятии профилактических мер. Одной из таких мер было расселение семей на освободившиеся дачные участки. При этом участки находились внутри кооператива, и сам ДСК мог решать, кого туда заселить. Власти должны были только одобрить это решение. Таким образом удалось расселить на освободившиеся участки (быв. Гояна) семьи двух братьев – Сергея Яковлевича и Александра Яковлевича Никитиных. Дачные помещения, которые они ранее занимали, были переданы оставшимся представителям этого обширного семейства.

Теперь я хочу рассказать о деле, которым занималось правление и которое возникло в связи с перераспределением членства в даче номер один по ул. Станиславского. Большой дом на этом участке заложил оперный бас Поляев, работавший то ли в Большом театре, то ли в театре Станиславского-Немировича. Было это в самом конце войны или сразу по окончании войны. Строительство шло ни шатко, ни валко, денег на это у Поляева не хватало, и чтобы сохранить складированный стройматериал, он поселил в своём недострое железнодорожного рабочего по фамилии Пушкин с женой и дочерью. Днём рабочий старался промышлять по найму, а дочь его вскоре после войны принесла ребёночка. Семья рабочего нищенствовала, и что это такое, я увидел воочию, когда приходил в дом к Поляеву. Финансовый крах у Поляева в конце концов наступил, семья рабочего своё временное местожительство покинула, а пай и права на участок и дачу перешли к руководителю оркестра и известному музыканту Леониду Григорьевичу Пятигорскому. Л. Г. рьяно взялся за дело, достроил дом, провёл отделочные работы. Как музыкант и педагог он стал обучать некоторых соседских детей музыке и в этом преуспел. Я был мало знаком с Л. Г., но соседи подчёркивали его высокие человеческие качества. Надо сказать, что жил он не один, а вместе с женой, как говорили, когда-то успешно практиковавшей балериной. Но вот он начал болеть, у него обнаружили диабет, который прогрессировал, – во второй половине шестидесятых годов у него отняли ступню. После его смерти права на дачу по наследству перешли его супруге. Но что поразительно: прожив на даче вместе с мужем столько лет, она ничему у него не научилась. Дачное хозяйство для неё было каким-то потусторонним явлением, она просто растерялась от навалившихся забот, связанных с необходимостью поддержания элементарного порядка на даче. Конечно, соседи ей помогали, но надо было учиться брать ответственность и на себя. Она обратилась к родственникам. Был у неё двоюродный брат, который в прошлые годы работал в органах и был начальником горотдела КГБ в Крыму. Пробыв в таком беспомощном состоянии несколько лет, эта женщина пришла в правление ДСК и заявила, что хочет передать права на дачу своему родственнику. Естественно, что там спросили о серьёзности её намерений. Уговаривать или отговаривать её в правлении никто права не имел. Документы оформили и передали пай на дачу новому члену ДСК А. А. Татаринцеву. Он начал проводить ремонтные работы и устранять возникшие за эти годы прорехи. Через какое-то время бывшая балерина снова явилась в правление, заявив, что она была в неадекватном состоянии в момент оформления документов и просит вернуть ей права на дачу. Мы усомнились: нет ли тут каких-то денежных претензий. Вызвали А. А. Татаринцева. Он сказал, что предупредил сестру перед оформлением, что денег у него нет. Через месяц бывшая супруга явилась ко мне на дачу вместе с братом Пятигорского, известным юристом. Разговор продолжался часа два. Его основной аргумент – её недееспособность в момент оформления. «Вы можете это

документально подтвердить?» – спросил я. Ответа не последовало. Но мы на этом в правлении не успокоились. Мы договорились с А. А. Татаринцевым, что он предоставит сестре для проживания кухню-сторожку. В какой-то момент она согласилась, а потом отказалась. Но Зеленоградская её манила. Проходя на станцию, я неоднократно видел её сидящей на пенёчке, а глаза её были устремлены в небо.

Через некоторое время в правление пришло известие, что супруга Пятигорского выбросилась из окна своей квартиры на Бережковской набережной, покончив свою жизнь таким путём. А в моей памяти остаётся пожилая женщина на пенёчке, и солнце светит ей в глаза.

Хочу рассказать ещё одну давнюю историю, характерную для того времени. История эта относится к послевоенному периоду, а началась она незадолго до войны. В 1938 г., как сейчас помню, в посёлке появилась большая семья Алексея Петровича Остроумова. До этого семья А. П. Остроумова крестьянствовала в центральной полосе России, сравнительно недалеко от Москвы, и, как тогда случалось, в поисках лучшей доли решила перебраться ближе к крупному городу. Побудительной причиной переезда, возможно, послужило то, что в Пушкинском районе успешно работал родственник семьи плотник-профессионал Прокопий. В семье было пятеро детей и корова. Гнали они корову из родных мест или купили здесь – не знаю, но то, что её молоко было источником жизни – это точно. По прибытии в Зеленоградскую, в посёлок ДСК, А. П. сразу же стал работать по найму: одному забор поставит, другому крыльцо соорудит. Он не являлся мастером плотничного дела как Прокоп, но был смекалистым, а руки были привычными к ежедневному труду.

Появившийся в том же году В. Я. Хенкин с его богатой концертной деятельностью решил поставить на участке кухню-сторожку с печкой, чтобы пользоваться во время зимних наездов. А. П. срубил небольшое по размерам строение и заселился в него с семьёй в качестве сторожа. Помню, что в трескучие морозы 1939–1940 гг. мы с приятелем, пробежав на лыжах с десятков километров по Зеленоградской лыжне и всё-таки изрядно промёрзнув, не находили другого места для обогрева, кроме сторожки на участке В. Я. Хенкина. От печки исходила теплынь, а над кроватью в несколько этажей возвышались нары, на которых лежали дети. Старшей, Марии, было тогда около 15 лет. Ещё до войны А. П. Остроумова назначили комендантом посёлка, но в 1942 г. его призвали в армию. Позже мобилизовали и дочь Марию, которая вместе с другими девушками ухаживала за стадом, гонимым на запад вслед за наступающей армией и обеспечивающим питание для сражавшихся бойцов. Вернувшись после войны, А. П. по указанию правления ДСК срубил ещё одну сторожку на развилке ул. Станиславского и Неждановой, вообще говоря, для работы правления, но ввиду отсутствия другого жилья поселился в сторожке вместе с семьёй. Надо сказать, что по Уставу тогдашнее правление не могло принять А. П. Остроумова в члены ДСК, так как он не был работником искусств.

К концу сороковых годов правление всё чаще стало напоминать А. П., чтобы он решал свою жилищную проблему и освободил сторожку для заседаний правления. Положение становилось абсолютно безвыходным, особенно с учётом сложившихся в те годы социально-экономических условий. И тогда А. П. вспомнил, что у него есть именитый земляк и работает он не где-нибудь, а в самом политбюро ЦК КПСС. Вспомнил он о члене Политбюро Андрее Андреевиче Андрееве, ранее работавшем председателем РКИ, наркомом путей сообщения и наркомом земледелия. А. А. Андреев был выходцем из Сычёвского района Смоленской области, откуда был родом и А. П. Остроумов. Районный центр Сычёвка расположен у границы Московской области и отстоит от столицы каких-то 300–400 км. Что там написал в своём послании А. П., мне, конечно, неизвестно. Но я думаю, что А. П. сослался на то, что они оба из одной деревни, что положение у А. П. безвыходное, что ему, только что вернувшемуся с войны, отцу многодетной семьи, отказывают в клочке земли для дома, и заканчивал чем-то вроде: помогите ради Бога. Безусловно, А. П. не надеялся получить ответ.

Написал для страховки и всё. А. А. Андреев, бывший членом политбюро до 19 съезда КПСС (1952 г.), получив в числе многих писем жалобное послание от земляка, наверное, вспомнил свою малую родину и осознал, что как-то он должен поддержать просителя.

Однако, чтобы там, наверху, в резолюции А. А. Андреев не написал: учесть, рассмотреть или помочь, этого было достаточно для решения вопроса. Власти Московской области и г. Пушкино, получив письмо с резолюцией А. А. Андреева, зашевелились. Вызвали председателя правления ДСК, тогда им был И. С. Зубцов. Ивана Сергеевича Зубцова провести на мякине было трудно. Член КПСС с 1918 или 1919 г. от Тверской организации РКПб, он наверняка заявил, что нарушать устав ДСК он не может, а любая структура, представившая А. П. Остроумова работником искусств, будет разоблачена. И добавил: у вас есть большой жилищный фонд, вот и выделите ему жильё. Тем самым наступил на больную мозоль. Стали искать альтернативу. Я давно наблюдал, что в таких случаях номенклатура старается и рыбку съесть, и в лужу не сесть. Предложили формулу: давно проживает в посёлке, комендант, фронтовик, многодетная семья. И. С. Зубцов, знавший возможности проверяющих органов, ответил: пожалуйста, напишите от своего имени такое письмо, но согласуйте с московской городской организацией, контролирующей ДСК. Такое письмо было получено. А. П. Остроумова приняли в ДСК и выделили участок рядом с участком, который занимала в то время прима театра Оперетты Регина Фёдоровна Лазарева. По популярности она была предшественницей знаменитой Т. И. Шмыги. Получив участок, А. П. Остроумов быстро поставил на нём сруб и освободил сторожку.

Не могу не сказать несколько слов о Марии Ивановне Бабановой, бывшей членом ДСК более 40 лет. При постройке дачи она несколько отступила от типового проекта 1937 г. и возвела небольшой рубленый второй этаж. Насколько я знаю, никаких замечаний по этому поводу она не имела. В жизни кооператива особого участия не принимала, предпочитая направлять на общие собрания своих представителей, но жила на даче довольно часто. Здесь её посещали актёры, критики, театроведы. Здесь я видел направлявшихся к ней актёров А. Лукьянова, Тер-Осипян, критика В. Вульфа. На даче во время войны жили её родители, вывезенные из родных мест в связи с немецкой оккупацией. Мария Ивановна была человеком скромным, сдержанным, что я мог наблюдать во время её посещений по приглашению отца, когда они вместе работали в театре Революции. Я смотрел ряд спектаклей с участием М. И. Видел «Ромео и Джульетту», «Иркутскую историю», «Собаку на сене». Остались в памяти незабываемый голос, грация, очарование образа. Воистину народная артистка. В начале 80-х годов М. И. Бабанова умерла. Прямых наследников у неё не было, и она завещала дачу театроведу Берновской. Некоторые члены ДСК пытались оспорить волю артистки на том основании, что дача является кооперативной собственностью. Но суд не принял этих доводов и передал дачу согласно завещанию актрисы.

Глава 4

«РТ», «Лес» и прочая «Тайга»

Придя в ЦНИИ-108 через несколько лет после окончания войны, я на первых порах не ощущал признаков прошедшего лихолетья. Звуки, оповещающие о воздушной тревоге, канули в прошлое, людей на костылях было мало, и они практически были незаметны, вовсе отсутствовали инвалиды без ног, всё ещё передвигавшиеся по Москве на самодельных тележках с подшипниковым ходом. Встречались сотрудники с приправленным в карман рукавом, но некоторые уже приобрели протезы, что внешне маскировало их инвалидность. Не было непрерывной поголовной двух – или трёхсменной работы; ночью институт в основном пустел, хотя некоторые задерживались допоздна, а то и трудились всю ночь. Карточная система была отменена, «талонная» жизнь закончилась, в столовой, которая размещалась на втором этаже во втором корпусе, работали официантки, но наплыв сотрудников в обеденное время был велик, и избежать очередей в кассу не удавалось.

И всё-таки после нескольких дней или недель пребывания в стенах института «дух» прошедшей войны чувствовался во всём. Первые дни в лаборатории, где я «прописался», ушли на создание рабочего места, беседы с моим руководителем А. А. Расплетинным и на знакомство с имевшейся под рукой литературой довольно общего характера. Затем я решил «проветриться» и посмотреть, где же я нахожусь. Первое, что бросалось в глаза, когда я входил в соседние комнаты, разбросанные по углам свалки из немецких радиоламп, деталей, включая дефицитные тогда малогабаритные конденсаторы 0,1 мкф, и других импортных компонент. На это никто не обращал внимания, каждый, кому это было нужно, подходил к развалу, брал нужное сопротивление или конденсатор и впаивал в схему. Рабочие столы также немецкого происхождения были недавно получены и пользовались успехом, т. к. имели большую, прочную и удобную столешницу и множество выдвигающихся ящиков. Измерительные радиоприборы, главное «оружие» инженера-радиота, стояли частью в металлических шкафах, частью – на рабочих столах. Английские осциллографы «Коссор» соседствовали с отечественными генераторами стандартных сигналов и немецкими авометрами, имевшими защиту от «дурака».

В мастерской, куда я пришёл, стоял гул работающих станков, частично также полученных по репарациям, хотя и старых годов выпуска.

Постепенно осваиваясь, я обнаружил, что большинство инженерного состава лаборатории – фронтовики, кончившие вуз до войны или в первые её годы. Ранения и контузии, случившиеся с ними ещё совсем недавно, до сих пор дают о себе знать. Некоторые даже лежали в госпитале, который размещался в одном из соседних корпусов. Были, правда, инженеры и техники, ранее работавшие на оборонных заводах, но и они прошли через все атрибуты военного времени, включая авиационные налёты с бомбёжками, голод и чувство страха за родных и близких.

Объект, над которым тогда трудился коллектив лаборатории, назывался «РТ». На мой вопрос, как расшифровывается это сочетание букв, однозначного ответа не получил. Одни предположили, что это радиолокатор танковый, другие – что это есть сокращение от слова «радиотехника». Ввиду того, что в коллективе я был в то время один из немногих, если не единственный, кто имел квалификацию радиоинженера с чёткой направленностью радиолокационщика, мысленно стал перебирать получившие развитие типы РЛС. Одними из первых были созданы РЛС дальнего обнаружения самолётов. Тем самым они работали в системе «земля-воздух». В той же системе функционировали станции, защищавшие гражданские и военные объекты от авиационных налётов противника. Они разрабатывались до и во время

войны в интересах повышения боевой мощи войск ПВО. В системе «воздух-воздух» действовали первые РЛС, установленные на истребителях и бомбардировщиках, и, наконец, всем известные радиолокационные бомбоприцелы размещались в основном на фронтовых бомбардировщиках и относились к системам «воздух-земля».

К какой же категории можно отнести станцию «РТ»? Я пока этого не знал. Чтобы понять, надо было обратиться к истории вопроса. Инженеры не очень любили вникать в историю. «Есть задание, значит, будем выполнять. Всего делов». Расплетин был сильно занят, и настроить его на исторические экскурсии я не решался. Помог Гуськов, рассказ которого вместе с воспоминаниями ветеранов и последующим ознакомлением с документами позволил воссоздать некую картину прошедших событий. Я не военный, далеко не стратег, но и я понимал, что к концу отгремевшей войны новое радиолокационное оружие в каком-то количестве имелось на вооружении Военно-воздушных сил, войск ПВО. А самая боевая, самая мощная составляющая нашей армии – наземные танковые войска, артиллерия такой современной техникой не владели. И это при том, что одним из главных инициаторов и сторонников развития радиолокации в СССР было Главное артиллерийское управление. Вот почему представители ГАУ доказывали на всех уровнях, включая Совет по радиолокации, что необходима разработка станции, которая смогла бы резко повысить эффективность стрельбы артиллерии как в наступательных, так и оборонительных операциях сухопутных войск. Кроме того, говорили они, такой тип РЛС помог бы укрепить береговую оборону нашей страны, омываемой многими морями. Понятно, что создание такой РЛС означало бы появление новых систем вооружения, а именно систем «земля-земля» и «земля-море». Возникали, однако, два главных вопроса: возможно ли создание подобной РЛС и кто за это возьмётся. Расплетин, когда при нём говорили на эту тему, отмалчивался, мнение других ведущих конструкторов сводилось к мысли, что всё это – фантазия. Мировой опыт вроде бы подтверждал такие заключения.

И вот в один из дней на рубеже 1945–1946 гг. Зам. председателя Совета по радиолокации вице-адмирал А. И. Берг собрал совещание, на которое были приглашены представители военных и наиболее крупные специалисты в области радиолокационной техники. В своём кратком вступительном слове А. И. Берг обосновал назревшую проблему, сказав, что необходимость создания новой станции очевидна. По имеющимся данным аналогов такой станции в мировой практике действительно нет, но ввиду важности задачи нужно определить, кому поручить разработку новой станции. Протокольные записи заседания не обнаружены, однако, по свидетельству очевидцев, выступавшие в основном разделились на две группы. Военные инженеры, опираясь на опыт недавних сражений, доказывали, что разработка станций такого типа не только серьёзно усилит боевую мощь войск в наземных операциях, но и вполне возможна при существующем уровне развития радиолокационной техники. Для подкрепления своей позиции некоторые из выступавших представителей военного ведомства изложили своё видение основных параметров будущего технического задания, включая требования по дальности обнаружения, точностным характеристикам засечки целей, разрешающей способности и т. д. По-иному смотрели на сложившееся положение те из выступавших, кто имел уже немалый опыт разработки самих станций. Ведущие конструкторы, учёные, инженеры-испытатели, соглашаясь в принципе с идеей необходимости иметь в войсках подобную станцию поля боя, говорили о том, что до сих пор РЛС в основном функционировали в свободном пространстве, где велось обнаружение и определялись координаты тех или иных объектов противника. Но как можно обнаруживать цели в лесу или даже на местности, обильно поросшей растительностью. Можно ли отличить стоящий танк от стационарной постройки, дома, сарая и подобных предметов. Пока это невозможно, повторяли они, и, следовательно, мы не можем брать на себя решение невыполнимых задач. Сидевший в зале Расплетин пока молчал и внимательно слушал выступавших. У него к этому

времени был уже накоплен определённый опыт разработки станций, но он касался самолётных РЛС. Собрание клонилось к тупиковой фазе. Расплетин напряжённо думал. Но вот, обратившись к рядом сидящему Г. Я. Гуськову, произнёс: «Возьмёмся?» Тот согласно кивнул. С этого момента, как говорят биографы А. А. Расплетина, 13 лаборатория спустилась «с небес на землю». Нам неизвестны аргументы, которыми оперировал на совещании А. А. Расплетин, когда давал согласие на проведение разработки станции. Но беру на себя смелость предположить, что это были как субъективные, так и объективные факторы. Назову лишь некоторые из них. Вся жизнь А. А. Расплетина сложилась так, что ему приходилось решать неподъёмные задачи. Не говорю уже о трудном детстве, хотя и в зрелые годы, когда перспективы приёма телевизионных сигналов были весьма туманными, Расплетин взялся за эти проблемы и, преодолевая множество препятствий, довёл дело до успешного финиша. Но вот война, блокадный Ленинград. Личные несчастья следуют одно за другим, но в своём твёрдом намерении помочь фронту он придумывает, как из данных населением радиопримечков сделать так нужные армии радиостанции.

Постепенно у А. А. Расплетина формируются жизненные установки. Одна из них гласит: «безвыходных положений не бывает». И в данном случае, когда перед ним возникла новая проблема, он субъективно почувствовал, что не так страшен чёрт, как его малюют, решение будет найдено. Но были, так сказать, и объективные предпосылки для надежд на положительный исход. Расплетин понимал, что для борьбы с помехой в виде местных предметов необходимо, во-первых, сформировать узкий луч, сканирующий в пространстве с возможно большей скоростью, а во-вторых, уменьшить длительность излучаемых высокочастотных импульсов до минимума. Позитивный настрой конструктора и объективные возможности реализации создали основу для разработки концепции нового типа РЛС, которая вскоре была утверждена заказчиком. И хотя работа над станцией «РТ» началась фактически с чистого листа, она велась невиданными даже по тем временам темпами, и уже во второй половине следующего 1947 г. образцы станции были подготовлены к сдаче. Главным исполнителем стал коллектив 13 лаборатории, участвовали и смежные лаборатории 11 (источники питания), 12 (антенная система), 22 (передатчик). Главным конструктором станции «РТ» был назначен А. А. Расплетин, заместителями Г. Я. Гуськов, Е. Н. Майзельс, Г. В. Кияковский, М. Т. Цукерман. Успешно завершившиеся осенью 1947 г. госиспытания станции и последующее за ними внедрение в серию ещё раз подтвердили выдающуюся роль А. А. Расплетина и творческие возможности коллектива 13 лаборатории.

Формальным завершением работ явилось переименование станции, промышленные образцы которой стали называться СНАР-1. Значительная часть аппаратуры станции была переправлена на серийный завод в качестве эталона, но и оставшиеся в институте дубликаты блоков, узлов, механизмов были вполне работоспособны и использовались для проведения всевозможных экспериментов. Одним из таких наиболее затребованных элементов был передатчик, выполненный в виде отдельного, довольно громоздкого блока, который и явился предметом моих первоначальных исследований в институте.

Передатчик для станции «РТ» разрабатывался в смежной лаборатории № 22, которой руководил Б. Ф. Высоцкий, один из ведущих сотрудников института и главный конструктор изделий ПСБН, в которые и входили передатчики такого типа. Высоцкого я хорошо знал, слушал его лекции, но передатчиками занимались его сотрудниками Ивашкевич и Соловейчик, с которыми я вскоре и познакомился. Передатчик работал в импульсном режиме и использовал многорезонаторный магнетрон сантиметрового диапазона волн отечественного производства. Для запитки магнетрона применялся модулятор с активным коммутатором. Модуляторная лампа находилась под напряжением 20 кВ и вместе с накопительным конденсатором обеспечивала необходимый ток для магнетрона, выдававшего примерно 100 кВт импульсной мощности. Передатчик испытывался при длительности пусковых импуль-

сов 0,5 мкс. Согласно заданию мне предстояло исследовать возможности передатчика в режиме укороченных импульсов, обеспечив путём переработки схемы снижение длительности на порядок или хотя бы на полпорядка. Поначалу было вообще неясно, на какой схемной базе формировать такие узкие импульсы. Проанализировав имевшиеся возможности, я остановился на схеме блокинг-генератора, теория и техника выполнения которого были тогда в стадии зарождения. Заказали узкую гиперсиловую ленту, затем навивали её на заранее подготовленные шпули. Получали магнитные сердечники диаметром 10–15 мм, на которые наматывали катушки трансформатора. Технология отрабатывалась на ходу. В процессе настройки блокингов малой длительности пришлось испытать множество трансформаторов, но схему запитывающего подмодулятора всё же удалось создать. Чтобы рассмотреть полученные импульсы, перепробовали разные типы осциллографов, большинство которых имели низкоскоростные развёртки. Остановились на «Cossor», который на предельной по скорости развёртке в ждущем режиме дал ожидаемый результат. Но это был лишь начальный этап работы. Запуск передатчика производился короткими импульсами от нового подмодулятора. Однако передатчик не выдавал выходной мощности. Сменили несколько магнетронов, но эффекта не было. Пошёл обсудить сложившееся положение с «отцами-основателями». Андрей Борисович Ивашкевич, человек невысокого роста, с хорошо поставленным голосом, начав издали, ссылаясь на теорию. «Эта схема модулятора наиболее универсальная и должна работать в большом интервале длительностей импульсов. Почитайте теорию, есть отдельный том Массачусетской серии». Соловейчик, радиоинженер довоенной закалки, загадочно помотав седой головой, удалился и, вернувшись, передал мне высоковольтную цепочку, состоящую из дросселя и сопротивления, и коротко сказал: «Попробуйте поменять». Я поблагодарил и удалился. Проще всего было полистать книгу, с которой ранее уже знакомился. Сложнее что-либо поменять в передатчике – высоковольтном устройстве с несколькими степенями защиты и многократной изоляцией от возможных пробоев. Конструкция была сложная, и на разборку и смену поначалу уходило несколько дней. Этот опыт мне пригодился в дальнейшем, когда пришлось эксплуатировать станцию в реальных условиях и, в частности, нередко ремонтировать сам передатчик.

Углубившись тогда в изучение схемы передатчика, я постепенно пришёл к выводу, что необходимо освободить её от паразитных ёмкостей, препятствующих работе на коротких импульсах. Съездил на завод-изготовитель и попросил испытать магнетроны в режиме укороченных импульсов. Поменял накопительный конденсатор и трансформатор запитки накала магнетрона. Отключил те элементы схемы, которые ранее использовались для компенсации спада импульсов. Несколько месяцев работы, и передатчик стал выдавать сверхкороткие высокочастотные импульсы. После окончания практики в 1948 г. я официально вошёл в коллектив института. Что представляло собой тогда одно из ведущих научных учреждений страны – ЦНИИ-108? Руководил институтом академик А. И. Берг, выдающийся учёный и крупный организатор науки. Человек с широким кругозором, обладавший большим авторитетом в научных кругах, он сумел в короткие сроки укомплектовать высококвалифицированными специалистами того времени практически все направления в области радиолокации, радиофизики и радиотехники. При этом умело пополнял зрелый кадровый корпус молодыми инженерами и техниками, недавно окончившими вузы и техникумы. Чтобы не быть голословным, приведу некоторые данные об расположении научных школ и направлений, разместившихся тогда в стенах института. На четвёртом этаже правого крыла первого корпуса находились радиофизики – специалисты в области распространения радиоволн и электродинамики. На том же этаже, чуть поодаль, располагалась лаборатория теоретической радиотехники, руководимая профессором И. С. Гоноровским. В левой части того же здания при отдельном входе находилась лаборатория СВЧ приборов профессора М. С. Неймана.

В левом крыле первого корпуса, на втором и частично третьем этажах располагалась антенная лаборатория, которой в первые годы руководил Е. Н. Майзельс, а затем профессор Я. Н. Фельд.

Несколько в стороне, на том же третьем этаже, работала лаборатория полупроводниковых приборов профессора С. Г. Калашникова.

Во втором корпусе, который во время войны использовался под госпиталь, размещались лаборатория приёмных устройств под руководством Л. Ю. Блюмберга и лаборатория Н. И. Оганова с многопрофильным характером деятельности, разрабатывавшая среди прочего передатчики для РЛС. Третий этаж корпуса занимало бюро новой техники (БНТ), выполнявшее важную роль по информации специалистов с новинками технической литературы, включая, конечно, периодику. На последнем этаже этого же корпуса находился зал, наполненный кульманами: здесь работало одно из важнейших подразделений института – конструкторское бюро. КБ во главе с Г. С. Ханевским объединяло механиков, т. е. конструкторов различных механизмов и машин (В. Е. Нечувилин, Н. Чичеров, Н. Г. Щедрин, Е. А. Власов и др.), радистов, т. е. конструкторов, переводящих электрические схемы в блоки, линейки, узлы и т. д. (С. И. Добромыслова, М. С. Почталина, Ф. Ф. Зенько, С. П. Зензеров и др.) и комплексников, создававших конструкции станций (М. Т. Цукерман, Л. М. Табачников, М. З. Свиридов и др.). Вместе с конструкторами работали технологи, которыми руководил П. М. Бушминский.

В институте было также несколько комплексных лабораторий, работавших в основном по государственным заказам. Эти лаборатории отвечали за идеологию станции, разрабатывали наиболее ответственные блоки и узлы, выдавали технические задания смежникам, проводили текущие испытания, сдавали станцию госкомиссии. Среди комплексных лабораторий была уже упомянутая мной лаборатория, руководимая Б. Ф. Высоцким, и лаборатория № 13 во главе с А. А. Расплетиным, которая и стала для меня своеобразной alma mater. К моменту моего прихода лаборатория состояла из высокочастотной группы (Г. Я. Гуськов, П. П. Михайлов, М. А. Дмитриева), дальномерной группы (Г. В. Кияковский, К. П. Гаврилов, М. И. Попов), группы приёмных устройств (В. Ф. Илюхин, И. М. Евтеев), разработчиков индикаторных устройств и НЧ техники (С. В. Хейн, Е. Г. Разницын, Л. И. Буняк, А. И. Ширман) и мастерской (И. В. Кабанов).

Летом 1949 г. после моего короткого отпуска меня вызвал Расплетин и сказал: «Приступайте к разработке нового индикатора “В”. Он должен иметь скоростную развёртку по дальности, существенно более высокую линейность и по строкам, и по кадрам. Выберите трубку со средним послесвечением, чтобы не было хвостов на отметках. Не забудьте про маркеры. Нарботайте материал, сейчас идёт НИР, и через несколько месяцев выпустим отчёт». Более подробные технические требования Расплетин обещал выдать позднее.

Выполняя задание, начал знакомство с литературой. Отечественных книг было ещё мало, но стали появляться переводы с английского. Делали переводы профессиональные переводчики, но под руководством опытных радиоспециалистов. Я к тому времени окончил городские трёхгодичные курсы иностранных языков, но без регулярной практики знал английский всё-таки посредственно. Тем не менее обратился к оригиналам, т. е. текстам книг, которые закупались БНТ за валюту и которые хранились в институтской научно-технической библиотеке. Помню, был специальный том Массачусетской серии, посвящённый электронно-лучевым трубкам и устройствам на их основе. Он давал довольно развёрнутое представление о предмете, который меня интересовал, но чувствовался отрыв от тех задач, которые решались в нашей стране. В частности, магнитные системы отклонения луча (развёртки) сильно зависели от параметров электронно-лучевых трубок, выпускаемых промышленностью, а они были, конечно, различными у нас и за рубежом. Ознакомившись с номенклатурой электровакуумных изделий (ламп, трубок и др.), освоенных в послевоенные годы

нашими заводами, я ещё раз убедился, что напряжённая работа Совета, а затем Комитета по радиолокации совместно с промышленностью давала зримые плоды. Конечно, были и аналоги зарубежных вакуумных изделий (немецких, английских), но появились и новые, оригинальные образцы этого вида техники. Разработка должна была вестись с использованием отечественной комплектации. Наличие данных о главных параметрах вакуумной базы облегчало мою задачу, и я смог сделать прикидочные расчёты по основным схемным узлам. Предстояло также дать намётки на изготовление оправок для будущей намотки магнитной системы отклонения луча, чем я и занялся. Собрав исходные материалы, я смог приступить к написанию отчёта по заказу, который условно назывался «Импульс». Названия давались спонтанно, поэтому на протяжении моей деятельности мне неоднократно приходилось участвовать в заказах, зашифрованных словом «Импульс». Но это было потом, а в 1949 г. я впервые принялся за написание отчёта по научно-исследовательской работе (НИР), заданной к тому же постановлением правительства СССР. Времени на написание было крайне мало, работали и по ночам. В таком положении был не только я, но и многие мои коллеги-разработчики будущей станции. Об отсрочке представления отчёта не могло быть и речи. Отчёт, подписанный главным конструктором А. А. Расплетиным, был сдан точно в срок. Там есть и моя глава «Индикатор точного пеленга».

В конце того же года (1949) произошло несколько событий, повлиявших на мою дальнейшую жизнь.

Во-первых, я женился. Моя жена Энгельсина Николаевна, урождённая Кузнецова, окончила статистический институт и к тому времени работала в Управлении по статистике РСФСР. Специализировалась в мало изученной тогда области семейных бюджетов. Высшим органам страны нужна была информация о том, как складывается средний бюджет семьи на разных территориях, что, по-видимому, служило основой их представления о благосостоянии народа. В пределах Российской Федерации жена объездила всю страну, знакомилась с семьями разных достатков и с деятельностью статорганов, возглавлявших эту работу на местах.

Вторым событием стало вовлечение меня в общественную деятельность. На общем комсомольском собрании института неожиданно прозвучала моя фамилия, хотя в то время меня почти никто в институте не знал. Тайным голосованием я был избран в комитет комсомола. Возглавил комитет бывший фронтовик Александр Батраков, имевший, насколько я помню, опыт политработы в армии. Невысокого роста, с бледным лицом, он ходил даже в помещении в шинели, говорил негромко и сравнительно быстро, прямо по списку избранных распределил обязанности для каждого. При этом начальном распределении я должен был осуществлять контроль за соцсоревнованием комсомольцев. Практически это выражалось в необходимости получения от комсомольца написанного им собственноручно соцобязательства на текущий период времени. Когда я сейчас вспоминаю о тех годах при нынешних молодых людях, они смеются, выказывая своё скептическое отношение к различным мероприятиям того времени. Но вот мнение человека дела, далёкого от бюрократии и знавшего цену своим словам и своим действиям; привожу фрагмент из письма А. А. Расплетина, написанного им в больнице своему заместителю: «Меня немного беспокоит, что вы, закрутившись с РД (одна из ранних работ), забудете о необходимости выполнить два пункта соцобязательств лаборатории. Первый из них предусматривает систематическое еженедельное проведение обзоров международного положения, второй – проведение двух семинаров... По вопросу о семинаре первый доклад пусть сделает Гуськов (о ТОН-2), а второй – Виктор о результатах испытаний РД. Это полезно знать всем работникам лаборатории». Я недолго был в производственном секторе комитета комсомола. Затем Батраков перебрал меня совсем в другую сферу – налаживать работу институтских общежитий. Там проживало большое число молодых сотрудников. Положение с жильём было тяжёлое. В институте работало много ино-

родних, среди них группа ленинградцев, бывших сотрудников НИИ-9. С разрешения руководства некоторые из них ночевали прямо в институте, другие проживали под Москвой, в сельских домах, которые значились как институтские общежития. Были общежития и барачного типа. Побывав в общежитиях, я убедился, что не только комсомол интересуется состоянием дел, но и руководство института, включая А. И. Берга, решает на местах назревшие проблемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.